

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в клубе "Юнион"
состоится
АНОНСЪВЪЗДѢЛЪ НОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ домѣ въ страгѣ

КОНЦЕРТЪ Маріи Ивановны Долиной

извѣстной артистки.
всѣхъ театровъГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 3 (93)

Август. 2015 год.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Нам
25 лет

Всемирному клубу одесситов — 25 лет. Осенью 1990 года клуб как общественная организация был зарегистрирован. В ночь с 6-го на 7-е ноября 1990 года в Театре музкомедии мы праздновали его открытие. Тогда то и выехал на сцену президент клуба Михаил Жванецкий на белом коне.

И газета, которую вы держите в руках, впервые вышла тогда же, 25 лет назад. Я держу в руках тот, даже не первый, а пробный, нулевой номер газеты. На первой странице — колонка редактора "Поверх барьеров", написанная мною 25 лет назад. Прочитую одну строку:

"Ее задача, пользуясь словами Бориса Пастернака, быть поверх барьеров, сметая эти барьеры".

Здесь же — приветствия Михаила Жванецкого "Мы открываемся" и тогдашнего мэра Одессы Валентина Симоненко "Есть такой город".

Тогда же мы решили, что символом клуба станут атланты, поддерживающие мироздание, наши одесские атланты с улицы Гоголя, и Аркадий Цыкун создал проект значка клуба. А Георгий Голубенко сформулировал девиз клуба: "Одесситы всех стран, объединяйтесь".

Конечно, невозможно в этой колонке перечислить дела клуба за эти годы. Мы устроили в стенах клуба более трехсот выставок живописи, фотографии, графики. Мы выпустили десятки книг. И многие из них возвращали забытые произведения, открывали новые имена.

Всемирный клуб одесситов выпускает не только газету, которую вы держите в руках, но и альманах "Дерибасовская — Ришельевская" (редактор — Феликс Кохрихт, члены редколлегии — Олег Губарь, Иван Липтуга, Евгений Голубовский). При Всемирном клубе одесситов работает литературная студия "Зеленая лампа" (руководители — Евгений Деменок и Евгений Голубовский)

А разве не должен клуб гордиться делом своего атланта, члена президентского совета, почетного гражданина Одессы Бориса Литвака, создавшего уникальный центр реабилитации больных детей, равно которому нет на постсоветском пространстве?..

Но я всё про Одессу. А ведь клуб действительно всемирный — у него филиалы в США и Германии, Израиле и Чехии, Эстонии и Канаде, Москве, Мурманске, Петербурге, Сочи... Всего у нас 12 филиалов, а сейчас открывается 13-й — в Австралии, в Сиднее. Сайт Всемирного клуба одесситов, созданный 10 лет тому директором клуба Леонидом Рукманом, смотрят буквально на всех континентах.

Из заметных дел клуба — создание своеобразной электронной энциклопедии о знаменитых одесситах — "Они оставили след в истории Одессы" (совместно со студией "Нулевой километр"). Сейчас она преобразуется в еще один сайт клуба.

И, конечно, в истории города останется открытие двух памятников — Рабиновичу, герою одесских анекдотов, работы Резо Габриадзе в садике Литературного музея (по инициативе Михаила Жванецкого) и Исааку Бабелю работы Георгия Франгуляна на углу Жуковского и Ришельевской (инициатива Валерия Хаита).

Вроде бы время сейчас трудное, не для новых памятников. Но, мне кажется, Всемирный клуб одесситов должен взяться и осилить проект, о котором уже давно говорят одесситы. На месте Первого городского кладбища, где в 30-е годы разбили парк Ильича, должен возникнуть мемориал в память о первостроителях города (разработка идеи — Олег Губарь).

Хотелось бы, чтобы в колонке "Нам 30 лет" об этом говорилось как о воплощенном в реальность проекте.

Фото Олега Владимировского

Здравствуйте!

Извините, что беспокою, но я очень хотела попросить вашей помощи!

Дело в том, что мой отец потерял связь со своим другом детства, единственную информацию о нем я нашла лишь в вашем клубе:

http://www.odessclub.org/readings_room/cheka/index.php — это и есть его товарищ.

Пожалуйста, если у вас есть какие-то контактные данные, напишите их мне. Заранее благодарна!

Аня Фоменко.

Здравствуйте, уважаемый Леонид Менделевич.

Прошу извинить меня за беспокойство.

Будьте любезны, не могли бы Вы, пожалуйста, дать мне адрес электронной почты Евгения Михайловича Толубовского? (Мне нужно написать ему по поводу одной рецензии на книгу.)

Ещё раз прошу прощения за беспокойство и заранее благодарю.

С уважением —

Олег Юнаков.

Уважаемый Леонид Менделевич. Большое спасибо за Ваш столь быстрый ответ и за адрес, который благополучно получил.

П. С. Если Вам вдруг в будущем понадобится помощь по каким-то вопросам, связанным с Википедией, — буду рад помочь. Мои основные интересы там — киевские евреи и киевская архитектура (я сам еврей родом из Киева). Но могу помочь и с другими темами.

С уважением —

Олег Юнаков.

Не стало Александра Юльевича Розенбойма, Ростислава Александровича, дорогого Саши. Ярчайшего человека, талантливого литератора, глубокого исследователя, но главное — до мозга костей одессита. Пусть будет благословенна память о нем. Мои соболезнования родным, близким, всей Одессе. Скорблю вместе с вами.

Елена Погорельская. Москва.

Дорогой Леонид!

Позвольте выразить Вам и всем настоящим одесситам мои искренние соболезнования.

Только что дочитала подаренную мне в клубе книжку Валентины Толубовской, где она так тепло и подробно пишет об Александре Юльевиче.

Приехав в город с дачи, захотела посмотреть вашу книжную полку, нет ли там уже книжек Ямпольско-

го, и вдруг наткнулась на траурную весть.

Ужасно, когда уходят такие люди.

Вечная ему память и людская благодарность.

Ваша навсегда —

Алла Ямпольская.

Здравствуйте!

Прошу пока принять в виртуальные члены клуба дорогого моему сердцу славного города Одесса, в котором я проживаю уже в четвертом поколении. Дед моей прабабушки участвовал в основании моего родного города, строил и приобретал тут дома, один из его домов (Ленинградская, 13) записан в "Дубль ТИС" как памятник архитектуры.

Кстати, ведь улица Ленинградская до революции называлась Петропавловская. Почему никто из уважаемых одноклубников не написал письмо в "Дубль ТИС"? Там нет старого названия этой улицы. Я постарался исправить это упущение и написал им.

В общем, считаю себя полноправным и коренным одесситом, а Одессу — любимым и родным городом. Прошу принять в виртуальные члены клуба! Фото прилагаю.

Спасибо за ответ, Леонид.

Честно говоря, родной город я, к стыду своему, знаю плохо. Хотя, возможно, не так уж плохо, как некоторые, считающие себя одесситами... но не будем о грустном.

Поскольку у меня в Одессе очень глубокие корни, возможно, Вы и ваш клуб что-то даже знаете о моих предках, живших тут едва ли не с основания города, поэтому как минимум пообщаться и посетить ваш клуб мне было бы очень интересно.

Ну а иметь оригинальное, хоть и виртуальное, подтверждение причастности к клубу одесситов под председательством самого Михал Михалыча :) — это было бы для меня очень приятное дополнение к связи с любимым городом.

В ближайшее время я таки соберусь с духом и посету клуб. Жаль только, что он не работает по выходным, но Ваш телефон у меня есть, так что, уверен, что-нибудь придумаем, либо просто отправлюсь с работы в один из дней.

Анатолий.

Здравствуйте, уважаемые представители Всемирного клуба одесситов! Вам пишет простой одесский школьник-выпускник. Скажите, пожалуйста, были ли

вы знакомы с Киношевером Леонидом Анатолиевичем, известным одесским педагогом, математиком, основателем клуба "Интеграл" и просто очень интересным и позитивным человеком? С большим прискорбием сообщаю, что он умер в конце мая и был похоронен 31 мая на Паиловском кладбище. К сожалению, Леонид Анатолиевич в последние годы жил один и был довольно одиноким человеком, до сих пор разыскиваются его ближайшие родственники. Этот человек был настоящим одесситом, вырастил не одно поколение людей, любящих свой город. Поэтому обращаюсь к вам с вопросом: не могли бы вы как-то посодействовать в установке памятника для Леонида Анатолиевича? Обратиться к вам мне посоветовал Тарик Ценный, брат которого был одноклассником Леонида Анатолиевича.

С уважением —

Даниил Селиканович.

Большое спасибо Вам, всем членам Вашего клуба и всем, кому Леонид Анатолиевич небезразличен! В ближайшем будущем постараюсь узнать ориентировочную стоимость памятника.

С уважением —

Даниил.

Спасибо тебе, Ленечка, огромное. Уверен, что все будет сделано на высоком уровне. Подскажи также от моего имени и свою сестричку Инну. В течение 2 — 3 ближайших дней я отправлю Анатолию Горбатюку воспоминания от меня, брата и от Лили и Ромы Терлиных из Сан-Диего. К тебе маленькая просьба: если ты знаком с Ефимом Ярошевским (поэтом и прозаиком), напомни ему, что он тоже обещал мне написать воспоминания о Киношевере. Если он это сделает, пусть тоже передаст их тебе или Горбатюке. Спасибо за все, всегда твой —

Тарик Ценный.

Леониду Рукману.

Здравствуйте, Лёня. Я получил Ваш адрес от Вашей сестры, Инны Закс. Моё имя — Давид, имя моей жены — Аня, наша фамилия — Бальмин. Я узнал от Инны о смерти Лёни Киношевера. Мы его знали, когда мы жили в Одессе в 1970-х. Тогда же я работал с Инной в одном проектном институте в Одессе. Мы выражаем наши соболезнования в связи с этой ужасной — смертью хорошего человека Лёни Киношевера. Мы хотели бы узнать, как мы можем поучаствовать в сборе средств на памятник. Сообщите, пожалуйста.

Спасибо.

С уважением —

Бальмины.

Меня зовут Лена, я живу очень далеко и очень долго. Мне посоветовали вам написать — как человеку с опытом.

Я бы хотела узнать о своей семье, когда они переехали в Одессу и откуда.

Я понимаю, что Одесский областной архив — как одесские катакомбы, особенное место, где без проводника нельзя ни зайти, ни выйти. Если у вас есть какие-то советы, буду очень признательна.

С уважением —

Елена Жолковер.

Здравствуйте, любимые одесситы! Прошу вас принять меня в этот уникальный клуб с запахом акаций и вечерним амбре "Привоза". Клуб противоречий и искренних улыбок.

Город проживания — Москва.

Я еще молод, всего лишь 1993 г. р. Зовут меня Цанко Андрей Игоревич. Одессит я самый что ни на есть настоящий. Образование у меня экономическое, на досуге пишу статьи и стихи. Родился в Одессе, жил на ул. Центральный аэропорт. Мой дедушка Илья Григорий Авраамович, будучи ребенком, проживал на улице Дерibasовской, Великая Отечественная внесла свои коррективы, заставив семью моего дедушки покинуть город.

После объявления Победы и окончания Второй мировой его семья в город вернулась. Но квартира, конечно же, документально уже была в других руках.

Это краткий экскурс, почему меня задрало аж на самый отшиб Одессы.

В 2014 г. окончил Одесскую Национальную академию связи.

Обстоятельства заставили уехать в Москву.

Без одесского воздуха и атмосферы жить не могу.

И НЕ БУДУ.

Андрей Цанко.

Юлечка, привет! Нужен совет. Как ты знаешь, я готовлю вечер в честь Игоря Шаферана в Доме музыки. Узнал, что он учился в классе одном и дружил со Жванецким. Можно ли написать письмо Жванецкому и через вас ему переслать, передать? Есть ли у тебя или Леонида М. прямой контакт с ним? Очень хочу его пригласить участвовать.

Александр Покидченко. Москва.

Почему я плачу, когда слышу идиш

Льву Кричевскому

Поднявшись в Израиль, я растерялся: иная природа, иная погода, иной язык, и ни одного знакомого лица. В нашей семье и моей школьной компании никто не говорил о репатриации и никто не чувствовал... И вот я единственный оказался в Израиле. К кому обратиться? У кого попросить совет? С кем выпить рюмку и поведать обычные кухонные разговоры о несостоявшейся жизни?! Никого!

И я стал искать соломинку, за которую смог бы ухватиться. Вернее, эта соломинка, как и положено соломинке, попала на моем пути случайно.

Как-то я шел улицей Холона куда глаза глядят — я и в самом деле еще не знал, где какая улица и какая куда меня ведет. И сбавившая с одной на другую — то из переулка в переулок, я понял, что я, выйдя из ворот дома, где снимал квартиру, заблудился в этом мире. В растерянности — остановился. И, как в лесу (а для меня этот город был настоящим лесом), стал прислушиваться. Может, кто-то аукнется мне? Может, услышу или шосс? Или гулок поезда? А может, мои мама и папа вдруг докричатся до меня из прошлой жизни? (В такие минуты верится в сверхъестественное!)

И тут я — сам вначале не поверил — услышал знакомую речь. Знакомую только по музыкальности, ибо я не знал слов, а только музыку. На этом языке когда-то разговаривали мои родители. Я пошел на музыку, на речь, на слова, просто на звук... Выйдя из переулка (а может, и тупика), я увидел на скамеечке холонского парка старую пару. Они говорили на языке идиш, который был созвучен моей душе и... непонятен.

Мои родители говорили на идиш. Но нас с сестрой не обучали ему. Почему? Еврейских школ в Одессе уже не было. А может, считали, что детям лучше его не знать: вокруг все украинское и русское, вокруг иная жизнь и другие евреи. Русские евреи. Ну куда ты устроишься со знанием идиш? А вот с русским — "молодым везде у нас дорога".

И потому я, блудный сын русского языка, остановился перед пожилой парой в Холоне, словно схватившийся за соломинку утопающий, вернее, потерявшийся в этом городе репатриант.

Единственное, что я мог назвать — улицу, где снимал квартиру. И пожилые аид и аидишка отвели меня к этому дому. (Так я потерялся, и так я нашелся в первый день своего приезда в Израиль.)

Дома я стал вспоминать музыку слов идиш, которые слышал в разговорах родителей. Значение одного слова мне

почему-то было понятно (откуда?!), а другие так и остались за семью печатями.

За семью печатями осталась и речь отца, обращенная ко мне. Однажды мама вызвонила меня из русского языка и сказала, что с отцом плохо. Я немедленно приехал в Одессу. И ночами сидел возле постели отца. И в одну из ночей он позвал меня. Впервые в жизни еврейским именем (это имя он употреблял крайне редко): "Яков, Яков!"

Потом он спросил: "Что будет, Яков?" На это я ответил ему, что все будет хорошо. Папа закрыл глаза. Потом открыл и стал говорить со мной на идиш, быстро-быстро. Видно, отпали остальные языки, он вернулся к маме. Он говорил-говорил-говорил. Он смотрел на меня невидящим взглядом. Он говорил на идиш. Может, он сообщал мне свою рыбацкую тайну: где лучше клюет, и как мне, сыну рыбака, стоит завязывать леску; или как он безмерно любит меня, или о том, чтобы я берег маму... Он продолжал говорить, а я кричал: "Папа, я ничего не понимаю!"

Вот потому, когда я слышу идиш, я всегда плачу. Мне кажется, что все повторяется: я позвоню своим внукам, спрошу их на иврите "Что же будет?" — и стану быстро-быстро говорить на своем русском, которого они не знают. Хотя музыку языка они все-таки запоминают.

Ян Попоровский.

Олег ГУБАРЬ

Первые городские головы: забытые и заброшенные

Андрей Железцов — елисаветградский купец второй гильдии, первый одесский городской голова. Избран 14 января 1796 года. В голосовании принимали участие около 150 местных граждан. В числе первых жителей города он получил 15 сентября 1794 года места №№ 59 — 60 в VIII квартале Военного форштадта под застройку. Эти места — нынешний угол Пушкинской (четная сторона) и Дерибасовской улиц. В ведомости купцам Новороссийской губернии за 1798 год значится, что он ведет торг на 3000 рублей, в том числе на 500 — в России; "торгует разными товарами с кредитом", однако у него "дому нет".

Отсутствие домостроения — в высшей степени странное обстоятельство, ибо при раздаче участков под застройку владельцы обязывали окончить сооружение здания в два года, а иначе участок отбирали и передавали другому, более рачительному хозяину. Вероятно, Железцов к этому времени разобрал старую, первичную постройку, а новую еще не окончил. В ведомости купцам от 31 января 1800 года указано, что в его семействе два лица мужского пола: очевидно, у Железцова был сын. Дочь первого городского головы, Анисья (Анисия) Андреевна, вышла замуж за небезызвестного муниципального деятеля — первой гильдии купца М.А. Крамарева, унаследовала дома, занимавшие весь квартал по Дерибасовской до Колодезного переулка, инициировала постройку Сретенской церкви на Новом базаре, скончалась в ноябре 1838 года, похоронена на Старом городском кладбище.

Андрей Железцов скончался 10 сентября 1801 года в возрасте 40 лет. Его отпевали в одесской Свято-Николаевской церкви и похоронили на Старом городском кладбище.

Ларион (Илларион) Федорович Портнов состоял городским головой в 1798 — 1800 годах. Орловский купец Портнов уже в 1795 году "имел постоянную оседлость" в Одессе и производил "довольно значительную торговлю лесом и другими русскими товарами" (железом, мануфактурой). Он получил участки №№ 61 и 62 в том же VIII квартале Военного форштадта, что и первый мэр, Андрей Железцов.

Между прочим, Железцов и Портнов были еще в Хаджибей и построились уже в 1792 — 1793 годах, впоследствии просто-напросто узаконив свои владения, что удавалось далеко не всем. Дом Портнова, находившийся на углу Ришельевской и Дерибасовской улиц, много лет спустя был куплен греческим семейством состоятельных negociant-ов Ралли, и на его месте в конце позапрошлого века построили новый (ныне — Ришельевская, № 5). Кроме того, Портнов владел лавками в так называемом Старом Гостином ряду на Александровском проспекте.

По ревизии 1795 года Портнов — орловский купец второй гильдии с объявленным капиталом в 8010 рублей, из Орла убыл в сентябре 1792 года; ему 43 года, жене Наталии столько же. Дети: Егор 27-ми лет (очень ранний ребенок, однако), Василий 17-ти лет, Николай четырех лет, Анна 13-ти лет. В том же составе семья остается на 31 января 1800 года, объявленный капитал такой же.

В ведомости 1798-го находим о Портнове следующую информацию: торгует на 5100 рублей, в том числе в России — на 1500; имеет два каменных дома, трактир, харчевню с шестью помещениями и погребом, четыре лавки и один двухэтажный флигель; занимается подрядами и отдачей недвижимости внаем. В доме Лариона Портнова, на углу Дерибасовской и Ришельевской, впоследствии принадлежавшем семейству Ралли, помещалась одна из первых в Одессе ресторанов, в которой собирались по преимуществу шкиперы, лоцманы, морские биржевые маклеры, факторы, страховые агенты — греки, итальянцы, югославяне. Похоже, супруги Портновы дожили до глубокой старости, ибо объявление от Одесского сиротского суда о вызове их наследников и должников помещено в "Одесском вестнике" лишь 1 мая 1837 года.

Иван Иванович Кафеджи (Кафажи, Кафажей) — одесский городской голова в 1800 — 1803 годах. Одесский купец греческого происхождения. Любопытно, что в 1810-х он значился австрийским подданным, то есть торговал по "гостевой статье". У него было три дочери — Вера, Надежда, Любовь, но супруга его звалась не Софией,

а тоже Надеждой. Были у него еще сыновья Иван и Леонид, последний умер в младенчестве. Информация о пребывании Кафеджи в Одессе пока что прослеживается лишь до рубежа 1810 — 1820-х, да и то пунктирно. Впрочем, в "Одесском вестнике" за январь — март 1828 года встречаются объявления о публичной продаже в Одесском коммерческом суде принадлежавших одесскому купцу Ивану Кафеджи городского дома, водочного завода и сада на Кулянике.

Дом, о котором идет речь, на самом деле представлял три флигеля на пересечении Казарменного переулка и нынешней улицы Голя, один из которых, на самом углу, так называемый "дом Отон" (флигель строил военный инженер И.И. Круг, а впоследствии перестраивал приобретший его архитектор Л.Ц. Отон), оценены в 10500 рублей ассигнациями, а годового дохода приносят от 500 до 600 рублей. Водочный завод и сад оценили в 1125 рублей. Вероятно, самого хозяина к тому времени уже не было на свете.

До конца весны 1814 года Кафажи владел также домом по Гимназской (Дерибасовской) улице, который затем продал купеческому семейству Мясниковых, параллельно овладевших и смежными местами. Позднее вся эта территория была застроена одним большим домом по четной стороне Дерибасовской и четной стороне Ришельевской улиц, принадлежавшим купцам Посилиным, ныне здесь государственный банк.

Иван Иванович Мигунов руководил городским самоуправлением в 1803 — 1806 годах. Как и Портнов, он был уроженцем города Орел, откуда выбыл в июне 1792 года, а в Одессе в третью гильдию купечества записан в 1797-м, с объявленным капиталом в 2100 рублей. Было ему тогда 46 лет, его жена Евдокия — 32, детям: Григорию — 11 лет, Ивану — пять, Татьяне — полгода. В 1798 году он реально торговал на 1000 рублей, в том числе в России — на 600.

Владел он в Одессе двумя флигелями в восемь помещений, амбаром, двумя магазинами, двумя сараями, двумя лавками на Греческом базаре, салотопным и пивоваренным заводами в пригороде. Торговал рогатым скотом на свой капитал и с кредитом. Был членом Одесского строительного комитета, который, между прочим, приобретал для своих нужд свечи в его лавке. Курьезный эпизод: из докладной записки настоятеля одесской Свято-Николаевской церкви, будущего Свято-Преображенского собора, в магистрат от 23 июля 1797 года следует, что в день тезоименитства государыни императрицы на литургии из всех городских гражданских чинов присутствовал один только старший бургомистр Мигунов, а поелику начальство обязано сделать остальным нечестивцам серьезное внушение. Иван Иванович Мигунов, его супруга Евдокия и, по крайней мере, двое детей стали жертвами катастрофической чумной эпидемии 1812 — 1813 годов, после чего их имущество распределилось между увеличившимися сыновьями Иваном и Степаном.

Иван Амвросиевич Амвросио, представитель греческой общины, впоследствии купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин, городской голова также и в пушкинскую эпоху (1821 — 1824 годы), исполнял обязанности городского головы в 1806 — 1809 гг. Владел он четырьмя лавками в т. н. Мелочном ряду, на Греческом базаре, меж Дерибасовской, Греческой и Колодезным переулком. Две из них перешли к Греческому коммерческому училищу, то есть деньги за аренду этих торговых заведений направлялись на нужды училища.

На 31 января 1800 года И.А. Амвросио значится купцом второй гильдии с объявленным капиталом в 5010 рублей. Очевидно, в это время он еще холост. Один из самых ярких представителей коммерческой и интеллектуальной элиты юной Одессы, выдающийся благотворитель. Субсидировал устройство Городского госпиталя и греческих учебных заведений, под его началом создавалась первая система водоснабжения города — общественные пруды, колодцы, оформлялись естественные источники. Один из деятельных комиссаров в ходе ликвидации катастрофической чумной эпидемии 1812 — 1813 годов. Основал одну из первых в городе страховых компаний (1808). Выступал ходатаем от городского гражданства в финансовых спорах с верховной властью (1817). Сотрудник "Филики Этерии" (1820).

Член Афинского общества распространения образования и наук в Греции (1840), награжден греческим орденом Спасителя. Создал ряд промышленных предприятий.

Женился, как это тогда водилось, в зрелом возрасте на девушке моложе его 28-ю годами. Жена София умерла 7 января 1874 года в возрасте 74 лет, а сам купец — на исходе 1852-го. Несмотря на разницу лет и вообще далеко не юные годы, Иван Амвросиевич оказался весьма плодовит. В метрических книгах значатся дети: Елена (1820), Константин (1822), Елевтерий (1825), Василий (1827), Андрей (1828), Григорий (1829), еще один Григорий (1835), Надежда (1841), Наталия (вступила в брак в 1851-м). Упомянутый дом на Греческом базаре, о котором шла речь, вдова Амвросио продала за четыре года до своей кончины, в конце 1869 года.

Андросовы, братья: Иван — одесский городской голова в 1809 — 1812 гг., **Семен** — в 1812 — 1815 гг. В ведомости купцам на 1798 год Иван Андросов значится елисаветградским купцом, торгующим в России на 15000 руб. В это время ему принадлежали двухэтажный дом, кладовая, две лавки в Одессе, в Старом Гостином ряду, да еще дома в Очакове и Елисаветграде. Торговал он "красным товаром своего произведения, на свой капитал и в кредит". Здесь надо уточнить, что речь тут, скорее всего, идет об отечественной мануфактуре, ибо красным товаром в России именовались еще и ювелирные изделия. В метрических книгах упоминаются его жена Елена и сын Анастасий (1814).

Семен Андросов — одесский купец 1-й гильдии. В 1816 — 1817 годах принимал участие в организации местного девичьего училища. Между прочим, он один из тех, кто в качестве члена магистрата подписал всеподданнейшее письмо императору Павлу при хрестоматийной посылке 3000 апельсинов, каковая акция возымела весьма благоприятные для юной Одессы последствия. По свидетельству мемуаристов, Андросовы и их потомки, крупные подрядчики, отличались исключительным хлебосольством. Они были подрядчиками сооружения и попечителями первого одесского храма во имя Николая Мирликийского. Их имя носит один из молдов одесского порта, который они строили.

Яков Афанасьевич Протасов (1772 — ранее декабря 1824), купец, подрядчик, возглавлял одесское городское самоуправление в 1815 — 1818 гг. По его предложению (1816) было открыто городское девичье училище (1817). Впоследствии, когда он несколько охладел к общественному служению и активно занимался предпринимательской деятельностью, его, случалось, ругали — как гласного, порой игнорирующего заседания думы. Впрочем, сын Якова Протасова, Алексей Яковлевич, купец 3-й гильдии, впоследствии был видным и усердным гласным той же городской думы. В архивных документах 1810 — 1840 годов упоминаются купцы Гавриил и Петр Протасовы, владевшие красными лавками на Александровском проспекте, — судя по всему, брат и племянник Якова. Семейство в разные годы владело многочисленными торговыми помещениями в Старом Гостином ряду по проспекту, и один из "именных рядов", расположенный между Еврейской и Троицкой улицами, даже назывался Протасовским (реже — Еврейским, Караимским, Немецким).

Занимательно, что Одесский строительный комитет закупал в протасовских лавках гусиные перья, сургуч, бумагу, подсвечники, щипцы для удаления нагара и т. п.

Дмитрий Спиридонович Инглези (1771 или 1773 — 1846), дворянин, родился на острове Кефалония, в 1787 году прибыл в Таганрог на судне своего дяди Антония Инглези, стал волонтером (потому нередко упоминаемый в публикациях 1780 год рождения явно не соответствует действительности), участник нескольких военных походов на Средиземное море и сражений с турецким флотом, отставной капитан, сподвижник герцога Ришелье, комиссар в ходе ликвидации чумной эпидемии 1812 — 1813 годов, городской голова (1818 — 1821), член Одесского коммерческого суда и Строительного комитета, член комиссии городского госпиталя, в том числе — сооружения при оном церкви, участник ликвидации чумы в 1829 и 1837 годах (в конце 1838-го награжден золотой медалью), член комиссии по устройству портофранко, член приказа общественного призрения, комитетов по карантинной и таможенной частям, почетный член совета Одесского института благородных девиц, выдающийся благотворитель, основатель торговой фирмы, просуществовавшей многие десятилетия, владелец домов и торговых помещений, награжден орденом Св. Владимира IV степени, греческим золотым кавалерским крестом Спасителя и др.

Отличался честностью и справедливостью в делах, пользовался большим авторитетом. Скончался 1 мая 1846 года, отпевали в греческой Свято-Троицкой церкви. В метрической записи зафиксирован возраст — 75 лет, что не вполне соответствует дате рождения, указанной в некрологе (1773); вероятно, метрическая запись точнее, поскольку едва ли в 14-летнем возрасте он мог бы поступить в волонтеры. В ходе погребения на Старом кладбище при большом стечении народа зачитывались даже посвященные ему стихи на итальянском языке. Его супруга Екатерина Зоевна — член Одесского женского благотворительного общества, сын Спиридон Дмитриевич — также весьма заметная фигура в муниципальной и торговой жизни города, казначей Одесского женского благотворительного общества (1857). Его сын Николай Дмитриевич вступил в брак с представительницей другого известного греческого рода — Клеопатрой Стаматиевной Кумбари.

Р. S. Поразительно, что все, о ком шла речь и кто, по существу, создал этот город в неимоверно сложных условиях на голом месте, буквально всем смертям назло, совершенно забыты "благодарными" одесситами, только и умеющими кичливо гордиться "Одэсой" и ура-патриотически поднимать за нее бокалы. Все первые мэры, как и тысячи их сподвижников, упокоились на варварски уничтоженном Старом городском кладбище, память о них никак не увековечена.

Бесплодные разговоры о создании мемориала на этом некрополе ведутся уже несколько десятилетий.

Находятся инициаторы, полагающие, что и среди покойников имеет место быть неравенство, что, скажем, следует увековечивать монументами лишь захоронения генерала Ф.Ф. Радецкого или графа А.Г. Строганова.

А как быть с другими? Вычеркнуть из памяти?

Здания, где располагались первые магистраты, не сохранились. Как символ преемственности власти — здание нынешнего горсовета на фото Олега Владимирского.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

Жертвы несвободы

Только не говорите мне, что жизнь стала хуже.
 Может быть, жить стало хуже?
 Может быть, лечиться стало хуже?..
 Может быть.
 Может быть, привычки стали хуже?
 Может быть.
 Может быть, учиться стали хуже?
 Может быть.
 Может быть, искусство стало хуже?
 Может быть.
 Может быть, люди стали хуже?
 Может быть.
 Но сама жизнь стала лучше.
 Ибо мы, наконец, во многом или, точнее, кое в чем, наконец, свободны.
 Это оказалось нелегко.
 Это оказалось тяжелым испытанием.
 Нас готовили к вечной несвободе.
 Революция, говорили нам, связана с лишениями, с жертвами.
 Это была правда.
 Боритесь, воюйте, отдайте много жизней.
 Она стоит этого.
 И будете, наконец, несвободны.
 Это правда...
 Она требовала жизней бесконечно.
 Пять, десять, двадцать миллионов, голод, энтузиазм, все-народный почет, всенародные праздники.
 Что только на себе ни пробовали, чтоб побыстрее поработиться.
 Женились молча, а предавали под аплодисменты.
 Выдвигали из себя самых наглых, самых темных, самых лживых, чтоб они водили. Ты первый — тебе водить...
 Легли под фундамент.
 И возвели пугающее, стреляющее, вызывающее голод и ночной страх.
 Возвели заборы, решетки.
 Ни одной стиральной машины.
 Женщины мыли, стирали и били об воду, долбили, строили, варили, пекли хлеб.
 Они были мирные.
 Все остальные — военные.
 Ползут, окапываются, передвигаются бросками, маневрируют, вылетают на полигон.
 Учебный запуск, испытание устройства, закрытый объект, умеренное предприятие.
 Солдаты нянчат детей, убирают постели, топят бани, сервируют банкеты. Войны же нет.
 Хотя все готово.
 А когда все готово, очень трудно и невозможно не попробовать.
 — Товарищ начальник, у нас такие виды вооружений и для массового, и для индивидуального применения. Как-нибудь...
 Ребята томятся...
 Что-нибудь придумаем?..
 Может быть, где-нибудь...
 Ну, в общем...
 — Ясно! Вы свободны.
 Слова "вы свободны" только в значении "пошел вон".
 Поработились так успешно, что даже расцвело искусство, посвященное порабощению.
 Прекрасная возможность соревноваться, когда все пишут об одном.
 Появились гении метафор, мастера бумажной жизни, производственной поэзии, подлинные шедевры эзопова языка.
 Военная четкость гражданского транспорта.
 Солдатская всенародная диспансеризация.
 Диагнозы без лекарств.
 Жизнь без старости.
 Полная ненужность денег при получении формы и квартиры снизили порог счастья до корней волос.
 Железная дорога в форме.
 Прокуратура в форме.
 Таможня в форме.
 Школьники в форме.
 Компартия в макинтошах.
 — Что вам нужно для счастья?
 — Квартира, квартира.
 — А вы разведетесь?
 — Разведусь, разведусь.
 — А вы женитесь?
 — Женюсь, женюсь.
 — Обещаете партбюро?
 — Обещаю.
 — Будет квартира.
 И была квартира, хотя без звукоизоляции.
 Чтобы были слышны мысли соседа.
 Нужно было идти на дальнейшие жертвы ради порабощения.
 Сделавшие карьеру достигли верха и пошли вширь.
 Но только... Но только оказалось, что за свободу бьются отчаяннее, чем за порабощение.
 За порабощение воюют армии.
 За свободу бьется каждый, а не один за всех.
 И то, что придумано в защиту, придумано лучше, чем в нападении.
 Ибо опять думает каждый.
 И певцы и поэты уже не могли выгнать солдата.
 Под гимнастерками сидели рабы, возвращавшиеся на ночь в рабство к секретарям.
 А там, за границей, оказались лучше и одежда, и техника, и люди сытей, веселей, вежливей.
 Победители вернулись пораженными.
 Все войны меняли Россию. И последняя война.
 Но настолько все боялись одного, что ждали, пока он умрет.
 Потом все двести миллионов ждали, пока другой умрет.
 Его сменил третий. Ждали, пока он умрет.
 И он не подвел.
 Уже было ясно, что так жить нельзя.
 Но умереть должен был он.
 Ибо и жить нельзя, и нарушать нельзя.

Двое умерли друг за другом.
 И это была главная удача.
 Четвертый понял и что-то задумал.
 Но не в нем было везение.
 Главное везение было в болезни тех двух, досрочно освободивших страну.
 Четвертый уже без усилий развалил то, что осталось.
 Именно он стечением обстоятельств вошел в историю, как каждый, с кого начинается счет.
 Смерть дала свободу.
 И та, выйдя из-за туч, озарила людей, сжатых в границах, и народы, прижавшиеся в страхе перед дальнейшей жизнью.
 И впервые без потрясений и жертв, без гибели и крови, просто так остались люди.
 — Где они? — спрашивали друг у друга люди.
 Где те, кого боялись? Они ушли?..
 Не ушли... Исчезли.
 — Так как же теперь?
 — Никак.
 — Но что-то надо делать?
 — Делайте, — ответили в облаках.
 — Что?
 — Что хотите.
 — А что мы хотим?
 — Узнайте.
 — Как?
 — У себя.
 — А тут дерутся, грабят...
 — Придумайте что-нибудь.
 — А вот тот обманывает...
 — А вы не верьте.
 — Как не верить?
 — Но он же обманывает.
 — И смысла в этой жизни нет.
 — Да, смысла, в смысле идеи, теперь нет. Теперь твой сын должен обхватить свою голову руками и понять, для чего он живет. И теперь твой сын должен поднять себя и отца. Если он простит отца, родившего его в порабощении. Зато каждый его шаг станет захватывающе интересным. Раньше это было оружием. Сейчас все! Оценка другая.
 — Какая?
 — Деньги.
 — Ужасно звучит.
 — Да. Ужасно. А как вы в последнее время стали дарить деньги именинникам?
 — Это ужасно!
 — Ужасно. Зато он сам купит, что ему нужно.
 — Все ужасно. А что сейчас пишут, что смотрят, о чем говорят?!
 — Да. Остались сами по себе. Высота, достигнутая в борьбе, не нужна, в подготовке войны не нужна. Солдат столько не нужно. Даже хлеба столько не нужно. Он уходил на армию, на заключенных, он уходил на лагеря пионерские и тюремные. Крупы для каши солдатской столько не нужно. Сапог столько не нужно, ватников.
 — А что теперь нужно?
 — Деньги.
 — Но это же ужасно!
 — Да. Но очень удобно. Самый удобный предмет для хранения, вложения, накоплений. Вместо коробок, шуб, закруток, обуви и проводов, на все случаи жизни деньги. Да! Которые можно надеть и съесть.
 — Что же в этом хорошего?
 — Хорошего мало, но и лучшего нет.
 — Плохие люди пошли вверх. Они первые.
 — Нет. Они не первые. Они раньше! Раньше! Как и в революции, как и в грабеже. Где ты видел, чтоб они стояли в очереди? Они раньше, потому что мы их всегда пропускали.
 Мы не связывались. Их сила в отвратительности. С ними не хочется связываться. Идите вперед. Только не стойте рядом. И они идут. И они впереди.
 Но ничьи позиции, кроме своих, они не займут.
 Они впереди только там, где они нужны. Где можно обойтись без чести и обманывать.
 Но они уже не могут обойтись ложью.
 Им самим уже нужна экономика, нужны компьютеры, дома, Интернет, лекарства, нужны больницы и самолеты, а это уже область наша.
 Здесь будем богатеть мы, потому что это не просто свобода — это сама жизнь пришла к нам.
 Столики расставляет жизнь.
 Кто сообразит, чего не хватает, тот разбогатеет.
 Да! Плохой певец преуспевает. Значит, певцов не хватает.
 Порнография. Да, это было запрещено, и этого не хватает.
 Вначале то, чего не хватает.
 Потом то, чего недостает.
 Потом разбогатеют те, кто приносит удовольствие.
 Потом те, кто развлекает.
 Потом уже те, кто создает красоту.
 Сюда относятся опера и астрономия.
 — Эта жизнь лучше?
 — Да.
 — Почему?
 — Интереснее.
 — Почему?
 — А что интереснее: жить в доме по своему проекту или в типовой тесной квартире? Иметь свою землю или хором убирать гниющие колхозные поля? Купить автомобиль или стоять несколько лет в очереди за "Жигулями"? Интереснее самому ездить или смотреть, как ездят другие?
 — Но ведь и сейчас летают другие?
 — Другие будут летать всегда. Другие будут жить лучше всегда. Но сейчас можно к ним присоединиться, если есть руки и голова...
 А раньше кровь, война, уничтожение и все, что сказано или сделано до этого.
 Все, кроме ваших рук и мозгов, что тоже могли отобрать в любую минуту... Вот и сравнивай.
 Вот и все просто.

И бандиты. И богатые.
 И ушлые. И пошлые...
 И разваливается. И развалилось.
 И это бросается в глаза, потому что то, что развалилось, уже видно!!!
 Это металлоконструкция бывшей жизни.
 То, что растет, не так видно.
 Дух, интерес, идеи, магазины, авто, женщины и глаза у молодых стали пытливыми.
 Люди голосуют деньгами. Деньги — это люди.
 Ничего. Что-нибудь придумают.
 В принципе, народы умнеют.
 Хотя история учит, но не обучает.
 Просто если потребуются кровь и жертвы — это будет путь в порабощение.
 Если жизнь меняется бескровно — это путь к свободе.

Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ

Археологическое наследие Одессы

Богатейшее археологическое наследие Одессы сегодня совершенно не востребовано. Все памятники прошлого, сохраняющиеся в культурных слоях нашего города, остаются скрытыми от людей, которые живут с ними буквально по соседству. Отчасти из-за того, что люди о них не знают, отчасти потому, что состояние, в котором они сейчас пребывают, не позволяет оценить их по достоинству. Древние культурные слои Одессы изучены случайно, выборочно и очень слабо. Многие из них полностью разрушены или погребены под городской застройкой.

Между тем даже беглое ознакомление с археологической картой Одессы показывает, что в древности эта территория была густо заселена. Самые ранние поселения и могильники (III — II тыс. до н. э.) находятся в районе Усатово. Слои поселений эпохи поздней бронзы (конец II — начало I тыс. до н. э.) известны в Аркадии, на Жеваховой горе и на Приморском бульваре. Курганы того же времени известны на Жеваховой горе, близ кирхи, на территории психбольницы, в районе Греческой площади, в парке на месте старого еврейского кладбища, а также в районе Черноморки.

Наиболее многочисленны памятники античного времени и первых веков н. э. — три поселения на Молдаванке, на Шкодовой горе, на Слободке, на Сухом лимане, в Черноморке, в парке им. Шевченко, в Аркадии, на Приморском бульваре, на Жеваховой горе и в Лузановке. На Приморском бульваре, в парке им. Шевченко, в устьях Карантинной и Военной балок, на Жеваховой горе также найдены остатки генуэзской Джинестры XIII — XIV веков, турецкого городка и крепости Хаджибей XVIII века.

Самым крупным из сохранившихся памятников является античный город Борисфен (торжище борисфенитов) на Приморском бульваре. Его мощные (до 2 м) культурные слои расстилаются под всем бульваром (4 га), а могильник простирается от Театрального переулка до Греческой площади (его размеры — 35 га). "Окрестности нашего театра и нового бульвара составляют истинно классическую часть Одессы, — писал "Одесский вестник" в 1827 году. — Всякий раз, когда там роют землю, находят новые остатки греческих древностей". Более столетия эти сведения оставались известными только узкому кругу специалистов, которые, впрочем, никак не пытались исследовать или сохранить памятник. В 1960-х гг. было установлено, что между памятниками Пушкину и Ришелье повсеместно прослеживается культурный слой мощностью до 1,5 м. Там "были каменные здания, крытые черепицей, с глиняными очагами".

При раскопках у Воронцовского дворца в 1996 — 2004 гг. найдено около 10000 фрагментов сосудов, большинство из которых происходит с островов и из городов Средиземноморья. Многочисленны образцы чернолаковых и расписных солонок, скифосов, тарелок, светильников, асков конца VI — начала V века до н. э. Находки свидетельствуют об исключительной интенсивности торговых связей Борисфена со Средиземноморьем во второй половине VI — V веке до н. э. и его расцвете, который продолжался до конца первой трети V в. Именно его посетил "отец истории" Геродот около 450 г. до н. э.

Расцвет Борисфена определило и его тогдашнее географическое положение, которое существенно отличалось от современного. Установлено, что за 2,5 тысячелетия уровень моря поднялся на 10 — 12 м. Нынешнего Одесского залива в античные времена не существовало. Борисфен возник на правом берегу реки (теперь — Хаджибейский лиман), у тогдашнего устья Борисфена-Днепра. Теперешняя Кинбурнская коса тогда простиралась на запад до устьев Хаджибея и Куяльника. Само местонахождение позволяло Борисфену в VII — V веках до н. э. полностью контролировать узкий выход из всего Днепро-Бугского бассейна и бассейнов Тилигула, Куяльника, Хаджибея — территорий скифского мира.

Такое расположение было ключевым для всего Северного Причерноморья. Последующая колонизация на восток, к Березани и Ольвии, происходила именно отсюда. В эллинистическое время этот город постепенно

приходит в упадок, получает название Гавани Истриан, а позднее — Гавани Исиаков. Под таким именем поселок отмечен в "Перипле (объезде) Понта Эвксинского" римским военачальником и историком Флавием Аррианом в 134 г. н. э.

Дата основания Борисфена известна из сообщения знаменитого историка и церковного писателя Евсевия Кесарийского (ок. 260 — 339 гг.), который под вторым годом 33-й олимпиады (647/646 г. до н. э.) сообщает, что "в Понте основан Борисфен". Это был первый город на месте нынешней Одессы. Он был основан в 647/646 году до н. э. Позднее, в VI — V веках до н. э., название Борисфен постепенно переходит на Березанское поселение и, видимо, на Ольвию. А упоминаемое Геродотом "торжище борисфенитов", которое находится в самой середине всей Скифии, тогда располагалось на территории Приморского бульвара. Именно здесь Геродот написал четвертую книгу своей "Истории", "Мелопмена" — единственное для того времени описание народов Причерноморской Скифии. Здесь же находился и центр владений скифского царя Скила, который "даже дом себе построил на Борисфене и жену в него взял из тамошних уроженок".

Другое крупное античное поселение — **Лузановское** — датируется V — III вв. до н. э. Оно расположено на северном берегу гавани, на мысу, образованном берегом моря и устьем Куяльницкого лимана. Большая его часть сейчас находится на территории лагеря "Молодая гвардия". Античный могильник простирается и в сторону дороги Котовского.

На поселении известны находки многочисленной керамики, мраморной плиты с греческой надписью, монет, амфорных клейм, остатков жилых каменных сооружений. Ученые указывают на особый статус лузановского поселения — считается, что оно выполняло функции приграничного форпоста на западных рубежах Ольвийского полиса.

Святылище на Жеваховой горе расположено на плато коренного берега, возвышающемся над Одесским заливом в северо-западной его части. Со степной стороны к нему прилегает обширный курганный могильник. Здесь выявлены земляночные жилые сооружения и каменные фундаменты VI — III веков до н. э. Было найдено и уникальное письмо на свинцовой пластине, адресованное ольвийскому аристократу Протагору. Открыты

и фундаменты каменной башни, маяка, а также средневековые генуэзские якоря в устьях Куяльницкого и Хаджибейского лиманов. Открыто и крупнейшее в Северном Причерноморье святилище VI — IV веков до н. э. Оно было создано наподобие святилища в Дельфах — самого знаменитого сакрального места античного мира.

Жеваховское святилище расположено в эпицентре греческих колоний на берегу Одесского залива. Здесь располагался "огненный алтарь", который представлял собой цилиндрическую яму диаметром 5 м и глубиной до 4 м. В яме разводили огромный костер. В огонь бросали донья амфор, стенки сосудов, кости. Пожарище было видно за десятки километров.

В этой же яме ("целле") находилась конусовидная насыпь — "омфалос", центр мироздания. Вместе с ямой он символизировал миниатюрную модель мира. Его обслуживал оракул Геи — Великой Богини-Матери. Наличие "пупа земли", символа Геи, указывает на особый авторитет Жеваховского святилища и его сакральное верховенство в Причерноморье. Древние авторы сообщают, что пуп земли был похож на полусферу (пол-яйца). Именно такая полусфера, или пол-яйца, имеется на Жеваховой горе. Здесь был возведен собственный, северопричерноморский "пуп земли".

Гея, или Богиня-Мать, имела власть над сотнями святилищ героев по всей Греции ("святынями пупа"), где сохранялись его челюстная кость, отсеченные гениталии, а также пуповина. Такая пуповина, некогда соединявшая тело младенца с материнским лоном, являлась символом того, что герой, как бы велик он ни был, происходил от женщины, ей был обязан появлением на свет и служил Богине-Матери.

Жеваховский омфалос — "пуп земли" — был центром "священного участка". Его окружают десятки культовых ям, которые предназначались для отправления обрядов, связанных с плодородием, земледелием, поклонением земле. Это круглые ямы глубиной до 2 м. В каждой яме находилось множество предметов, связанных с этими культами. Здесь отправлялись культы Богине-Матери, а также Аполлону, Зевсу, Деметре, Кора-Персефоне, Гермесу, Афине, Афродите, Артемиде, Гераклу, Дионису и многим другим богам. Древнегреческое святилище на Жеваховой

горе является крупнейшим в Северном Причерноморье в VI — IV веках до н. э. Его "прихожанами" были жители всей античной округи — поселений на берегу Одесского залива, прежде всего, Борисфена, Водяной балки, Шкодовой горы и Лузановки. Само расположение Жеваховского омфалоса соответствует представлениям о сакральной географии в античном мире. Священными капищами были отмечены любые примечательные места — урочища, вершины, острова, проливы, мысы, а также серные и иные источники. Так, дельфийский оракул (пифия) вещал с золотого треножника именно над зловонной расселиной у горы Парнас. А Жеваховский оракул (пифия) также вещал с треножника, вдыхая из здешних расселин зловонные запахи лечебных грязей Куяльницкого лимана. Здесь же располагался вход в Аид. Это место, по преданию, посетил Одиссей. В честь этого события святилище получило название Одессоса.

Сам факт необыкновенной насыщенности в античные времена территории Одессы богатейшими археологическими памятниками свидетельствует о ее историко-культурной уникальности. Одессу смело можно назвать археологическим Эльдorado, изучение которого таит в себе несметное множество открытий. Но пока перспективы такого изучения выглядят лишь сказочной мечтой — археологическое наследие Одессы практически не охраняется и культурно не осваивается. А в ходе интенсивного строительства повсеместно уничтожаются древние культурные слои без всякой археологической экспертизы.

Между тем одесское "Эльдorado" представляет собой редкостный комплекс, позволяющий его продуктивную "культурную эксплуатацию". Так, его можно эффективно использовать в туристическом бизнесе, планировать практически любые маршруты, связанные с интересом туристов к определенному историческому событию. В большинстве европейских стран так называемый "археологический туризм" существует и бурно развивается. Известно, что более 70 процентов национального дохода Греции приходится на туризм. Это оказалось возможным лишь благодаря исключительно бережному отношению к любому археологическому объекту страны, его воссозданию и реконструкции. Это же станет возможным и в Одессе при условии включения ее в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:
www.odessitclub.org

Александр ДМИТРЕНКО

Настольные медали Одессы

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ, ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

(Начало в № 1 (91), март 2015 г.)

Медаль в память 100-летия основания Одессы

Впервые Одесса праздновала свой юбилей, когда она уже была в зрелом возрасте — 55 лет, это было 22 августа 1849 года. Первый крестный ход в Одессе прошел 16 августа 1849 года.

Впоследствии празднование дня рождения города стало традиционным, но самым масштабным и историческим стал вековой юбилей Одессы. К нему готовились заблаговременно как городские власти, так и простые горожане. К этой дате было издано более 50 иллюстрированных книг, путеводителей, проведена однодневная перепись населения, отчеканено большое разнообразие жетонов. Впервые к юбилею города была выпущена памятная медаль. Медаль, которая часто встречается, но о которой совсем мало информации. Только благодаря Виктору Корченнову — известному одесскому коллекционеру и популяризатору одесской фалеристики и в части медальерного искусства нумизматики — история создания памятной медали в честь 100-летнего юбилея Одессы становится более или менее понятной. С оговорками, конечно. Но о них позже.

Вот как описана эта медаль у Виктора Корченнова в краеведческом очерке "О чем поведала медаль" (Одесса, 1988. — С. 72 — 74).

сен рисунок обратной стороны с изображением на плоскости медали панорамы порта со знаменитой эстакадой, Воронцовским маяком и парусными судами. Панорама окружена рельефным кольцом с переплетенными эмблемами, состоящими из снопов, виноградных лоз, орудий сельского труда и рыбного промысла".

В другом издании Корченнова "Одесса в медалях, жетонах, знаках 1817 — 1941" (Нью-Йорк, 2000. — С. 30, № 13) оборотная сторона описана так: в центре, в круге — панорама Одесского порта с парусными судами и Воронцовским маяком на переднем плане. Вдали — дымящий паровоз "кукушка" на краю железной эстакады. Панораму обрамляет рельефное кольцо в виде графического орнамента с вплетенными атрибутами, символизирующими сельское хозяйство и рыбный промысел. Слева, справа и внизу в орнамент вплетены цифры "100", а сверху — щит с кадуцеем Меркурия (эмблема торговли). Известны экземпляры из белого металла и алюминия. Диаметр — 70,5 мм.

В 2014 году во Всемирном клубе одесситов проходила небольшая выставка документов и фотографий Израйля Рухомовского (1860 — 1934), посвященная 220-летию основания Одессы.

Представил эти документы Александр Гунн, исследователь жизни и творчества И. Рухомовского — создателя известной золотой тиары скифского царя Сайтоферна (Сайтафарна, Сайтаферниса), весной 1896 года выставленной в Лувре как подлинник.

Рухомовский приехал в Одессу в 1892 году после пожара в Мозыре и принялся за работу гравера, ювелира, чеканщика. Работал он без патента и вывески на третьем этаже, под самым чердаком дома Якобсона на Успенской улице, 36. Там и создавал свои гениальные шедевры Израиль Рухомовский. Но речь о медали...

На этой выставке были представлены фотографии жетонов, самой медали, ее увеличенная копия и один любопытный документ со штампом отдела редких изданий и рукописей Одесской национальной научной библиотеки им. М. Горького. Этот документ — проект медали в память столетия города Одесса, созданный 10 декабря 1893 года гражданским инженером Николаем Ивановичем Розетти (1863 — 1914). Родился в Одессе, в семье корабельного маклера, окончил Одесское реальное училище. В 1887 — 1891 годах учился в Москве, в Институте гражданских инженеров, по окончании которого получил звание гражданского инженера и право на чин 10-го класса и был направлен в Одессу, где проработал 3 года архитектором Одесского градоначальства. В 1895 году уехал в Симбирск, а затем — в Николаев.

Примечательно, что на обороте документа есть надпись "Медаль отчеканена не была". Но, сравнив данный эскиз с известными экземплярами, в том числе — с опубликованным изображением медали у Виктора Корченнова (2000 год, № 13; 2014 год, стр. 73), можно утверждать, что за исключением некоторых деталей медаль все же состоялась. Мало того, лицевая сторона обеих известных медалей идентична, и различаются лишь оборотные стороны.

По мнению внука Рухомовского, Бенжамин Тальмона, одну из медалей в память столетия основания Одессы создал его дед. Это мнение подтверждается и наличием жетонов, посвященных этой дате, с инициалами автора "гр.и.р." (гравер Израиль Рухомовский), временем пребывания в Одессе и тонкой техникой исполнения, присущей этому мастеру.

К сожалению, изучение одесских газет "Одесский листок", "Новороссийский телеграф", "Одесские новости" за 1893 — 1894 годы не прояснило общей "картины". Ничего не удалось найти, за исключением нескольких заметок в газете "Одесский листок" о продаже жетонов, посвященных столетнему юбилею Одессы. Например, в номере 205 от 10 (22) августа 1894 года: "В одном из местных ювелирных магазинов продаются специально заказанные в Петербурге золотые и серебряные жетоны в память столетнего юбилея г. Одессы. На жетонах с одной стороны имеется герб г. Одессы, изготовленный из эмали, а на другой надпись: "На память 100-летия города 1794 — 1894 — 22 августа. На верхней части жетона изображена корона"; в номере 212 от 18 (30) августа 1894 года, на стр. 1 — объявление: "Юбилейные жетоны в память столетия г. Одессы (из алюминия и бронзы) поступят в продажу с 21 августа"; или в номере 218 от 25 августа (6 сентября) 1894 года: "В здании одесского отделения технического общества открывается продажа бронзовых и алюминиевых жетонов в память столетнего юбилея г. Одессы; золотые и серебряные жетоны можно получить только по предварительному заказу. На одной стороне жетона — изображение герба Одессы с каймой: "В память столетия Одессы", на другой — вид моря с горы с конечной частью Карантинного мола и маяком, по сию и ту сторону которого идут под парусами суда, и с частью эстакады, по которой движется дымящийся локомотив с вагонами"; а в 220-м номере от 27 августа (8 сентября) того же года находим заметку с информацией о том, что в одесском отделении технического общества никакой продажи жетонов не было.

бом Одессы. Щит и венок обрамляет графический орнамент с вплетенными датами 1794 (слева) и 1894 (справа). По окружности вдоль канта стилизованным славянским шрифтом — надпись. В верхней части "В ПАМЯТЬ СТОЛЕТИЯ", в нижней — "ОСНОВАНИЯ Г. ОДЕССЫ".

Оборотная сторона: по всему полю медали — панорама Одесского порта. На переднем плане — железнодорожная эстакада с поездом. Вдали видны парусные суда и Воронцовский маяк. Известны алюминиевые и бронзовые экземпляры (вес 169,2 — 175,2 г). Диаметр 70 — 70,8 мм.

Конечно, это всё предположения и, может быть, совпадения, но, анализируя и сопоставляя имеющуюся информацию, смею высказать свой вариант создания этих медалей.

По эскизу Николая Розетти в Варшаве изготовлена медаль в алюминии и в белом металле.

А гравер Израиль Рухомовский создал второй вариант медали в бронзе и в алюминии, используя для лицевой стороны эскиз Розетти, а оборотную сделал по своему рисунку. Где изготовлялась эта медаль, неизвестно. Может быть, в Варшаве или в Петербурге, а может быть, и в Одессе.

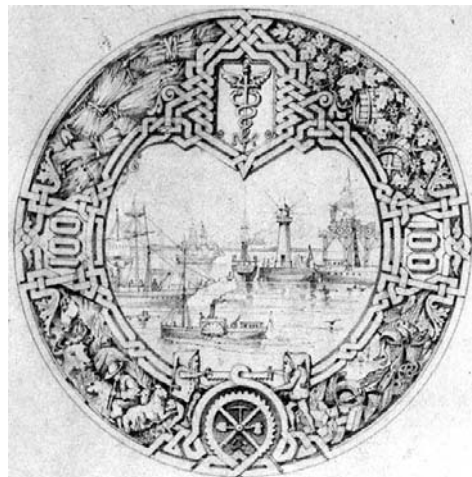
И еще одно неутешительное наблюдение. Как ни странно, но медалей, посвященных различным юбилеям основания Одессы, до последнего, 220-летнего, юбилея, не встречалось. Еще можно понять 150-летие, это все-таки 1944 год, но в 175-, 200-, 210-летие памятных настольных медалей не изготовлялось. Были значки, жетоны, брелоки, календари и другие атрибуты празднования, но не настольные медали. И это при наличии в городе хороших медальеров и граверов, при наличии знаменитой одесской ювелирной фабрики. Наверное, не было такого заказа, хотя годовщины предприятий, организаций, порта, освобождения города, спортивные соревнования и встречи делегаций городов-побратимов в большинстве случаев находили свое воплощение в металле. Но только не день рождения любимой Одессы...

Только на 220-ю годовщину основания Одессы по заказу городских властей в киевской фирме "Герольдмастер" небольшим тиражом порядка 100 экземпляров, был выпущен набор из 5 настольных медалей, лицевая сторона: **Дюк де Ришелье, памятник Основателям Одессы, Потемкинская лестница, Одесский оперный театр, Воронцовский маяк**; оборотная сторона одинакова для всех: по центру — герб Одессы, сверху полукругом — надпись "220 лет со дня основания Одессы", снизу — "1794 — 2014".

Медаль в память 100-летия основания Одессы. Фото из книги Корченнова В.К. "Одесса в медалях, жетонах, знаках 1817 — 1941". — Нью-Йорк, 2000. — С. 30, № 13.

"К столетнему юбилею Одессы были подготовлены специальные издания, исторические очерки и путеводитель по городу. Намечался также выпуск памятной медали. Незадолго перед юбилеем в польском журнале "Нумизматическо-археологические известия" ("Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne" Т. II. 1894, № 1 — 2. — s. 181. М.Е. Brensztein "Medal Odeski") было опубликовано следующее сообщение: "МЕДАЛЬ ОДЕССКАЯ. В 1894 году, когда Одесса будет праздновать столетие своего существования, будет выбита алюминиевая медаль со следующей надписью на русском языке. На лицевой стороне: "В память столетия Одессы. 1794 — 1894". На оборотной стороне будут помещены панорама Одесского порта и эмблемы сельского хозяйства, торговли и промышленности...". Упомянутая выше медаль была выбита в одной из частных штамповочных мастерских Варшавы из алюминия, производимого швейцарским акционерным обществом... В центре лицевой стороны медали — по кругу стилизованным славянским шрифтом вплетена надпись: "В память столетия основания г. Одессы. 1794 — 1894". Интере-

Эскиз медали в память столетия г. Одесса. Н. Розетти. 10 декабря 1893 года.

Медаль в память столетия основания Одессы. Вариант И. Рухомовского. Бронза. Вес 175,2 г, диаметр 70 мм.

Лицевая сторона: в центре медали, внутри не замкнутого сверху венка, составленного из лавровой и дубовой веток, — щит с гер-

Памятная медаль "220 лет со дня основания Одессы. 1794 — 2014. Одесский оперный театр", бронза, литье, золочение, эмаль, лак. Вес 100,6 г, диаметр 55,5 мм, толщина 6 мм.

Михаил ГАУЗНЕР

Потёмкинская лестница — знакомая и незнакомая

Громадная и монументальная, колоссальная и устремленная в небо... Как только ни писали авторы в своих произведениях о Потёмкинской лестнице, которую смело можно назвать не только символом Одессы, но и одной из самых ярких достопримечательностей нашей страны.

Потёмкинская лестница — одно из главных чудес Одессы. Она органично сочетается с памятником Ришелье и двумя полукруглыми зданиями на Приморском бульваре, расположена на его поперечной оси и является парадным входом в город со стороны моря. Идея создания парадной лестницы в Одессе, активно поддержанная светлейшим князем Михаилом Семёновичем Воронцовым, принадлежит известному архитектору Аврааму Мельникову. Её проект был разработан в 1835 г. группой архитекторов, куда входили Потье, Мельников и Боффо. Франческо Боффо идеально рассчитал пропорции лестницы, которую считают одной из самых знаменитых лестниц мира.

По результатам исследования, проведенного под эгидой компании Marketing etv., Потёмкинская лестница заняла шестое место среди самых красивых лестниц Европы. Историки утверждают, что Воронцов подарил Потёмкинскую лестницу, обещавшую ему в 800 тыс. рублей, своей жене Елизавете Ксавьеровне — рельеф в этом месте города весьма неровный, и бедняжке приходилось для спуска к морю делать изрядный крюк.

При строительстве этого уникального инженерного сооружения, производившемся в 1837 — 1841 г.г., возникло много сложностей. О них рассказывал авторитетный одесский краевед Олег Губарь: "Прекрасный архитектор-художник, Боффо в своих проектах почти не уделял внимания инженерному обеспечению объектов. Специалисты издавна называют Одессу "букетом геологических неприятностей". А это сложнейшее инженерно-техническое сооружение возводилось без надлежащих проработок, на русское "авось".

Полное игнорирование инженерной геологии привело к изнурительному долгострою. Строительство шло из рук вон скверно: бесконечные обвалы, локальные оползни, потоки воды препятствовали проведению работ, а то и сводили их на нет. Была создана комиссия под руководством опытного специалиста — английского инженера Уптона. Согласно уточнениям проекта, произведенным под его руководством, полотно лестницы — массивный блок из местного известняка — опирался на мощные деревянные сваи, "каменные столбы" и прорезался тремя продольными и девятью поперечными сводчатыми коридорами. Эти-то поперечные галереи образовывали на боковых гранях лестницы представительные каменные аркады".

Таким образом, надпись на мраморной плите, вмонтированной в верхний элемент парапета лестницы около памятника Ришелье, "Построена по проекту архитектора Ф. Боффо", мягко говоря, не совсем соответствует действительности. Боффо выполнил только, по современной терминологии, эскизный проект — оригинальный, впечатляющий, но на реальных одесских грунтах нежизнеспособный. А детальная конструкция монументального сооружения, разработанная Уптоном, позволила лестнице уверенно простоять уже более 175 лет. Сквозные галереи между массивными несущими каменными опорами позволяют также постоянно вентилировать пространство под полотном лестницы. Рассказывают, что уже в наше время некие, как принято сейчас говорить, креативные коммерсанты, не понимая назначения галерей, вознамерились открыть в одной из них экзотически расположенный ресторан; хорошо, что эта инициатива была вовремя пресечена.

Изначально лестница состояла из 10 пролётов (маршей) по 20 ступеней. Нижняя часть лестницы в былые времена выходила непосредственно к морю, и, как рассказывали, практически рядом с ней уже плескались волны. Однако в ходе работ по обустройству порта последние ступени были нарушены, и лестницу пришлось несколько сократить — в процессе строительства Приморской улицы восемь ступеней последнего пролёта были засыпаны; они, как утверждают старожилы, и поныне покоятся в глубине проезжей части. Высота лестницы — 27 м, протяжённость — 136,5 м. При взгляде сверху видны только площадки (кроме верхнего марша), а монументальные боковые парапеты кажутся параллельными. Если смотреть снизу, площадки исчезают; перед нами сплошной каскад

ступеней, а лестница будто выросла. Этот зрительный эффект (оптическая иллюзия) достигнут за счёт постепенного расширения лестницы книзу: ширина верхней ступени — 13,4 м, а нижней — 21,6 м.

В XIX и начале XX века это чудесное сооружение последовательно называлось лестницей Николаевского бульвара, Гигантской, Ришельевской, Воронцовской, после революции — лестницей бульвара Фельдмана, Приморской, а только затем — Потёмкинской. Она стала доминантой архитектурного облика Одессы и её символом. Александр Грин называл лестницу знаменитой, Жюль Верн — монументальной, Александр Николаевич Островский — единственной в своем роде, а Марк Твен — великолепной. Многократно описанная путешественниками, писателями и поэтами, лестница спускается ритмическими ступнями от Приморского бульвара к Приморской улице, за которой располагается пассажирский терминал Одесского морского порта.

Всемирно известной она стала благодаря фильму Сергея Эйзенштейна "Броненосец "Потёмкин" (1925 г.), в ключевой сцене которого детская коляска катится по ступеням лестницы. Вскоре после выхода фильма поэт Николай Асеев в очерке "Как снимался фильм "Броненосец "Потёмкин" утверждал, что "одесская лестница (...) не забудется зрителями". Юрий Олеся писал: "...Знаменитая одесская лестница после картины "Броненосец "Потёмкин" вошла в память человечества, как Миланский собор и Эйфелева башня". Детская коляска, пущенная по лестнице ассистентами великого режиссёра, прокатилась по экранам всего мира, эти кадры давно стали классикой кинематографа. На самом деле ничего подобного на лестнице не происходило — наоборот, во время обстрела города мятежным броненосцем жители Одессы прятались по домам.

Чтобы запечатлеть знаменитые кадры с ребёнком в коляске, летевшей по лестнице, камеру тоже пустили вниз. Аппарат работал сам, без оператора; внизу его ловили, подставив руки. А чтобы снять ноги, топтавшие тело ребёнка, бегающий опирался всей тяжестью своего тела на брус, поддерживаемый двумя ассистентами вне поля действия объектива. Человек осторожно перебирал ногами, едва касаясь подошвами ребёнка. Снимали только ноги, и в кадре был виден затоптанный в панике мальчонка.

Ребёнок, который потряс с экрана весь мир, стал впоследствии доктором физико-математических наук, профессором, директором научно-исследовательского института физики Одесского государственного (ныне национального) университета. Его звали Аба Ефимович Глауберман. Он был очень красивым человеком — элегантный, с пышными усами и черными сверкающими глазами. Именно эти глаза и поражали зрителей в фильме "Броненосец "Потёмкин".

После выхода фильма ставшая широко известной лестница начала называться Потёмкинской, и литераторы, которые писали о ней, нередко уже отталкивались от событий, изображенных в фильме, подменяя историческую реальность вымыслом Эйзенштейна.

"Когда-то знаменитый Сергей Уточкин съехал по Потёмкинской лестнице на мотоцикле, — вспоминал известный московский журналист Юрий Рост. — Первым повторил его подвиг не одессит, а известный капитан команды КВН Московского института нефти и газа Ярослав Харечко. Первого апреля 1974 года он съехал по Потёмкинской лестнице на лыжах".

Следующим Уточкин стал обычный одесский таксист Ефим Выдомский. Вот как описал это событие Игорь Кнеллер: "Когда из-за памятника Дюку выскочил горбатый "Запорожец" и поехал вниз по ступеням знаменитой лестницы, прохожие оцепенели. Казалось, в тишине было слышно, как бьётся о карбюратор сердце водителя. Фима Выдомский любил не только колесить по городу, а иногда и пописывать для "Антилопы-Гну", сатирического отдела одесской "Вечёрки". К своим многолетним гонорарам он добавил еще "пару копеек" и приобрёл тот самый "Запорожец". Власть предрешающие не простили таксисту столь дерзкую вылазку. Автопарк вдруг стал "доставать" его по месту работы: не дал сдачу, несколько копеек, нарушил правила дорожного движения... Не выдержал Ефим и уехал в США, где тоже работал таксистом — в Манхэттене".

"Наверно, — написал из США старейшему одесскому журналисту Евгению Голубовско-

му наш земляк Семён Лившин, — это единственный в мире одесский таксист, фото которого было напечатано в "Нью-Йорк Таймс" на самом видном месте. Причём удостоился он этого не как гаварь столь популярной в Америке русской мафии, который проезжает на красный свет или не даёт сдачу с 10000 долларов. Хотя такое нарушение, которое допустил в Одессе Ефим Выдомский, не могло прийтись никакому нью-йоркскому копу и в самом страшном сне: надо же, съехал на крохотной машинке с огромной лестницы! Ах, это по случаю какой-то Юморины? Н-да, как таких пускают в Америку?!"

Во время празднования Дня города ступени лестницы используются в качестве огромной трибуны для зрителей, наблюдающих за праздничным концертом и фейерверком. Ежегодно устраивается забег "Вверх по Потёмкинской лестнице". Рекорд соревнования составляет 22,8 сек.

В рамках VI Одесского международного кинофестиваля 11 июля 2015 г. на Потёмкинской лестнице состоялось торжественное открытие памятного знака Европейской киноакадемии. Этот знак закрепляет за Потёмкинской лестницей звание "Сокровище европейской кинокультуры". Сегодня она является одним из наиболее известных архитектурных сооружений в истории кинематографа. Установкой этого знака Европейская киноакадемия стремится повысить осведомленность общественности о местах символического значения для европейского кино, которые должны быть сохранены для будущих поколений. Такие знаки уже установлены в Лионе (Франция) — на доме, где родились братья Люмьеры; на научно-методическом кабинете-музее Сергея Эйзенштейна в Москве; Центре Бергмана на острове Форё (Швеция) и музее "Мир Тонино Гуэрра" в Пеннабилли (Италия). Потёмкинская лестница пополнила этот список.

А теперь — внимание! — "изюминка" этого очерка. Словосочетание "сто девяносто две ступени" давно и прочно отпечатано в памяти одесситов. Лет сорок назад в газете "Вечерняя Одесса" именно так называлась страничка "краеведческий клуб", заменившая "Одессу" в "Комсомольской искре". Интересующиеся достопримечательностями Одессы уже около 100 лет твёрдо знают, что ступеней на лестнице 192 (последние восемь из двухсот, как сказано выше, были засыпаны при строительстве проезжей части Приморской улицы). Об этом говорится во всех информационных источниках. Естественно, хорошо знал это и я.

Однажды, спускаясь по лестнице к морвокзалу, я по привычке "про себя" считал ступени, проверяя соответствие ритма только что сделанного мною стихотворного перевода стихотворения Джорджа Байрона "Сумерки" ритмике оригинала:

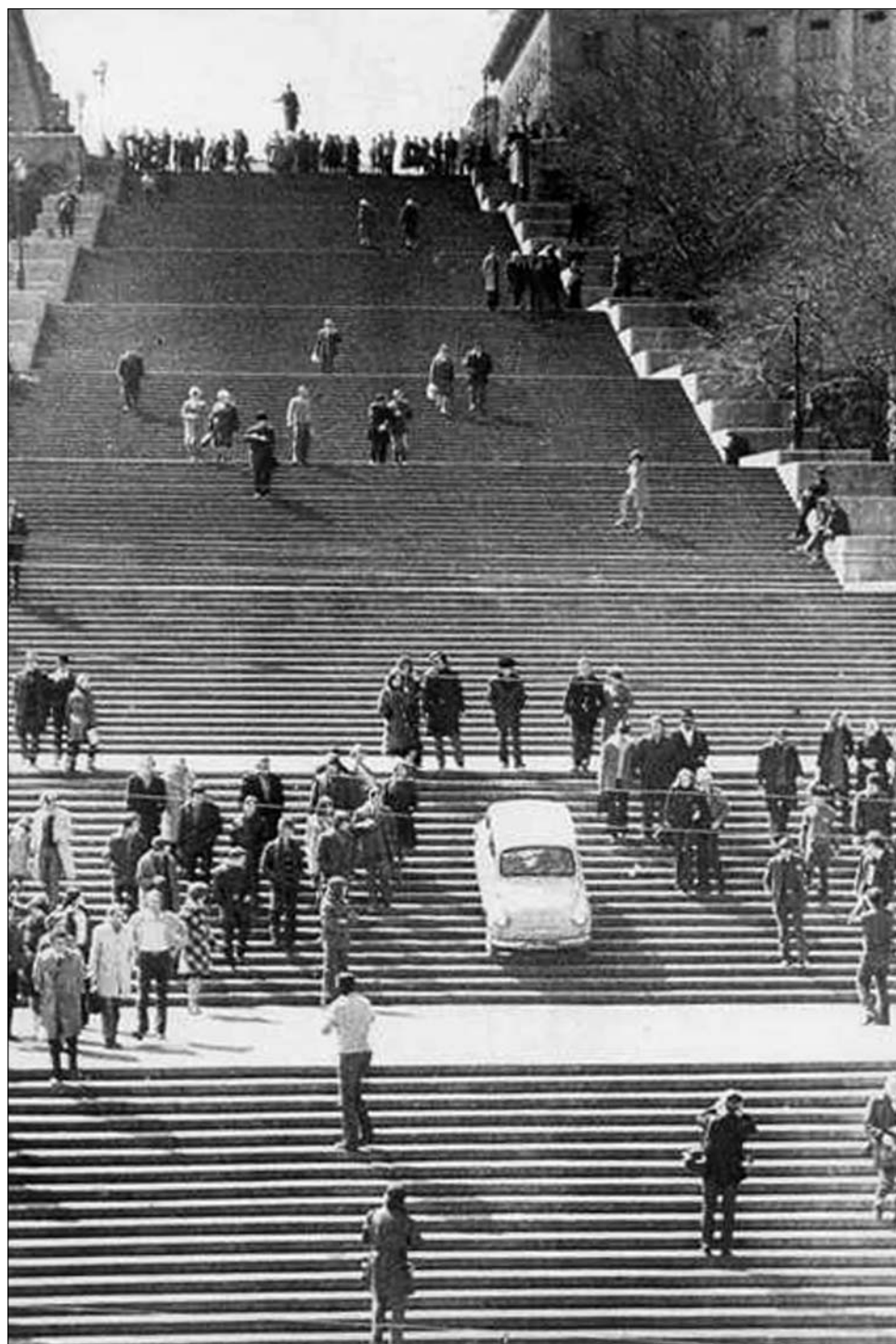
Час предвечерний. В кустах зелёных
Безумно трели льют соловьи.

Звучат негромко слова влюблённых -
Признания, клятвы в своей любви... (и т. д.)

Так как каждые нечётная и чётная строки в сумме состояли из 19 слогов, я после них, мысленно произнося: "И!" — становился на 20-ю ступеньку, и только после этого оказывался на площадке между маршами. Очень удобно. И вдруг в конце предпоследнего марша моё "И!" совпало не с его последней ступенькой, а с первым шагом по площадке. Не порядок! Быть такого не может! Я вернулся и прошёл этот марш снова. Опять одной ступеньки не хватило! Так я обнаружил, что Потёмкинская состоит из 191 ступени, а не из 192-х.

Вроде бы не великое открытие, мелкий факт, а приятно — сломал привычный стереотип.

Всем желающим предлагаю проверить.

Евгений НИКИФОРОВ

Художник Олег Соколов

Шаркающую походку он приобрел еще совсем молодым, возможно, вследствие войны, ветераном которой он был. Несмотря на это Олег даже уже в совсем зрелом возрасте легко взлетал через три ступени по мраморным лестницам дворца Абазы, где мы вместе служили. Всегда подтянутый, подвижный и насмешливый. Он был центром жизни Музея западного и восточного искусства, который располагался в упомянутом дворце в самом красивом квартале самой красивой улицы Одессы — Пушкинской. Фасад выходил на саму Пушкинскую, усаженную грандиозными, просто амазонскими в своем растительном великолепии платанами. Из "ренессансного" окна итальянского зала через череду крыш открывался вид на Одесский порт и море. И, казалось, вот она, Италия, где-то совсем рядом. Гварди, Белотто, Каналетто в этой среде становились не отвлеченными носителями блистательного стиля, но бытописателями той прекрасной жизни, частью которой становилась и Одесса. Дворец был недавно отреставрирован, и наши кабинеты, размещавшиеся в громадной квартире первого директора музея, замечательного художника Теофила Фраермана, придавали нашим упражнениям в искусствознании особый шик. Олег Аркадьевич Соколов (не мог я себя переломить и перейти с ним на "ты") был обладателем громадного старинного директорского стола. Стол был заставлен вазами с засохшими цветами. Это делало его похожим на мраморные надгробия заброшенного одесского еврейского кладбища. Сейчас его снесли. Но я его еще застал. Это было царство живописности. Затерянный город в джунглях. Приют бандитов. Восторг юных операторов, попавших по распределению на Одесскую киностудию. Сколько там потрачено пленки! Там начало "Одесских рассказов" Бабеля.

Засохшие цветы своей причудливой формой увядания вдохновляли Олега. Он был по преимуществу график. Тушь и перьевая ручка, мягкий нажим, штрих и длинная изящная линия. Истинное мастерство каллиграфа. Он писал много и ежедневно, изредка с неохотой отправляясь исполнять свои служебные обязанности — развлекать очередной автобус с отдыхающими трудящимися из очередного санатория. Но здесь он умудрялся и себя развлечь. Понимая, что доверие отдыхающих так же бесконечно, как и их невежество, он позволял себе рассказывать им совершенно фантастические истории. Например, чтобы долго не рассказывать о портрете "Порции", которая убила себя, заглотив горящие угли, на вопрос: "А почему эта женщина плачет над этой чашей?" — он отвечал: "Это урна с прахом ее брата". — "А почему в ней горит огонь?" — "Так только что положили!" Директор, терпеливейшая Нелли Григорьевна Луцкевич, давно махнула на него рукой, к счастью, понимая, что он и есть душа этого музея. Без него все превратилось бы в склад картин, в скучный учет инвентарных номеров, все покрылось бы музейной пылью. Она его просто любила, как члена своей семьи. А семьей ее был Музей.

Вокруг него всегда крутилось много коллекционеров. И тех, кто коллекционировал его работы, и тех, кто интересовался антиквариатом, т. к. Олег был членом закупочной и экспертной комиссии. Свои работы он тщательно оформлял. Был мастер подачи. Знал толк в паспорту и раме. Любой почеркушке придавал дорогой товарный вид. В этом смысле он был прирожденным галерейщиком, интуитивно постигшим в бестоварную эпоху искусство создания стоимости. Но отнюдь не к этому легко, почти как к игре. Жадным не был. Стандартные 25 рублей. Хотя тогда и это были деньги. Если кто помнит замечательную гравюру Брейгеля "Художник и коллекционер", так это совершенно о нем. Одесские художники-нонконформисты (Олег Соколов был одним из первых среди них) прекрасно понимали, что писать картину или просто большое полотно им просто негде и не для кого. Мастерских почти ни у кого не было. Худфонд их не закупал. Рынок их произведений был крохотный: редкие любители-коллекционеры, часто спекулянты и вороватые торговцы, полукриминальный мир. У этих деньги, может, и водились, но где размещать коллекции? Поэтому размеры картин были небольшие. Точно так же, как и у малых голландцев, размер диктовался крохотным советским жилищем. Там же происходили и выставки. Те самые, квартирные. Сейчас даже и представить невозможно, как там, на 16 — 20 метрах, можно было разместить и выставку, и зрителей. Когда я впервые пригласил одесских авангардистов принять участие в выставке портрета в залах нашего музея (это было для многих из них первой легальной выставкой на самой престижной

площадке в городе, очень памятной и резонансной), мы столкнулись с реальной проблемой построения экспозиции. Эти залы не были предназначены для картин размером в спичечный коробок.

Олег Соколов был моим первым учителем жизни в искусстве и учителем понимания непрерывности истории искусства. Картины Класа Хеды, Франса Халса, Ван Гойена, висевшие в верхних залах, обретали творческое и жизненное продолжение внизу, на его столе, под скрипом его пера. Сам быт художника, рождение идей из сора лепестков и бумажных обрывков, отношения с коллекционерами, отношение к деньгам, отношения в семье. Все это и ныне, и присно, и веки веков неизменно. Музей был живым организмом. Этим он привлекал городскую интеллигенцию, а Олег в нем был — арбитром и ценностным ориентиром. Добавьте сюда еще и то, что это был не просто музей изобразительных искусств, а "западного и восточного", то есть заграничного искусства, не то что за-претного, но уж совсем не советского, то поймете место его в культурной жизни свободной Одессы. Там как бы и полагалось пребывать Олегу Соколову — знатоку мирового искусства и свободному художнику.

В строгом смысле музейным работником он точно не был. Искусствоведом и музейщиком была его жена — Елена Николаевна Шелестова, человек замечательный, увлекающийся, заслуживающий особого рассказа. Она заведовала отделом восточного искусства, и именно благодаря ей я и был принят в музей. Произошло это так. В университете я с головой погрузился в науки. Занимался гештальт-психологией, системным анализом, герменевтикой и еще Бог весть чем, совершенно не задаваясь вопросом, а что будет после. "После" оказалось неожиданно разочаровывающим, но об этом потом. Одним из моих увлечений были японская поэзия и японская живопись в их кратких формах хокку и хайку. Компаративному анализу этих жанров, их духовному изоморфизму я посвящал одну из своих курсовых работ. С этим за консультацией и пришел к Елене Николаевне. Среди своей скромной коллекции сари, бронзовых будд и свитков она чувствовала себя, похоже, хранительницей гробницы в пустыне Гоби. К этому всему уж совсем, казалось, ни у кого не было интереса. И вдруг я со своими хокку и хайку! Она была очарована, была в восторге: "Олег, смотри, к нам наконец-то пришел любитель японского искусства!"

Совсем не думая о будущем, я заканчивал свою дипломную работу на экзотическую для филфака тему: "Логико-методологический анализ понятия "интерпретация художественного произведения". Это окончательно подкупило Елену Николаевну, которая сама любила мудреные методологические исследования вроде "Время в пространственных искусствах, или О математических основаниях "Музыкальной живописи".

В моей работе были перемешаны и системный анализ А.И. Умова, и экзегетика Святых Отцов. Мой замечательный руководитель Л.Н. Сумарокова терпеливо, долго, а потом настойчиво убеждала не начинать список цитируемой литературы Блаженным Августином. Но, в конце концов, отлично защитив диплом, я вдруг впервые со всей ясностью осознал, что дальше мне светит распределение в лучшем случае в какую-то Балту (не путать с Ялтой) или Татарбунары. В сельскую школу учителем русской литературы. К этой судьбе я был совсем не готов. И тут неожиданный, ошеломляющий и прекрасный запрос лично на меня из Музея заботой Елены Николаевны и Олега Аркадьевича. Скажу прямо: работа там и с ними — это лучшие годы в моей жизни. Чудесные, умные и тонкие люди, юность, проведенная в окружении шедевров мировой живописи в прекрасном дворце в центре прекрасного города.

Там понемногу формировалось и мое религиозное чувство. Вместе с Олегом Аркадьевичем и Еленой Николаевной мы увлеченно беседовали о японском дзен-буддизме и европейском психоделическом искусстве. Олег был любителем мудрости любого происхождения: глубокомыслия Монтеня, Торо или Экклезиаста. Правда, со Станиславом Лемом в одном ряду. Это было больше эстетическое любовование религией и религиозностью. Впрочем, когда управление культуры отправляло его инвентаризировать утварь и иконы православных храмов (!), он проявлял благочестие и предельную деликатность. Подозреваю, что и причащался.

Религиозная тема в виде восточной созерцательности или мистики, безусловно, присутствовала в его работах. Но иногда "мистика" легко переходила в мистификацию. Он

любил то, что сейчас назвали бы "когнитивным диссонансом". Написав какой-либо абстрактный сюжет, след

уя лишь художественной логике, он потом долго думал, как это назвать. Медитировал над ним, как над чернильными пятнами Роршарха. Названия рождались, казалось, ничем не связанные с графическим образом. Например: "В боязни осени" или "Почему я пришел к Богу?". Однажды уж совсем геометрическую композицию назвал "Пушкин. Метель". Это производило впечатление. Рисунок обретал дополнительный смысл. Загадка притягивала, интриговала. Собственно, это и была интерпретация художником своего собственного произведения. Как эксперименты со средой и контекстом Марселя Дюшампа. Совершенно в духе концептуализма. Игра со смыслами и недосказанностями. Лист казался исполненным тайного глубокого смысла. Эти поиски дополнительности и перевода на другие языки искусства привели к увлечению Скрябиным, с его идеями цветомузыки, и Чюрленисом. Но Олег Соколов не разделял ни страстной надрывности первого, ни мрачной, почти "масонской" позы второго. Он был совершенно позитивный человек. Часть южнорусской художественной школы. Краски, чувства, колорит, дыхание моря, дыхание прекрасной Европы. Как на века гениально сказал Пушкин об Одессе: "Здесь все Европой дышит, веет". Никакого диссидентства или политизации искусства в московском смысле. Его диссидентство и антисоветизм, который он называл смачным словом "густопосовый", имел совершенно эстетическое свойство. Он ненавидел убожество советского быта, идиотизм провинциальных коммунистов и лицемерие продажного пролетарского искусства.

Он любил, понимал и продолжал тех великих, хранителем которых был. Из замечательных одесских художников прошлой эпохи ценил Костанди и Ладыженского, боготворил своего учителя Теофила Фраермана. Художника настоящего, укорененного в европейской традиции, члена парижских осенних салонов. У меня долгое время хранилась одна его работа. Мрачный зимний вечер, сани у одинокой избы с теплящимся огоньком. Очень красиво написано. А название: "Продразверстка". Каково? Вот истоки "когнитивного диссонанса"

Соколова. По-моему, эта работа потом принадлежала рано почившему директору музея Виктору Никифорову, моему другу и однофамильцу (говорят, не выдержало его сердце похищения из музея картины Караваджо).

Вдова Теофила Борисовича Лидия Владимировна, в народе называемая "старуха Фраерман" за свой строптивый характер, долгое время после смерти мужа отказывалась съезжать из музейной квартиры, но все же город предоставил ей просторную комнату в красивом доме рядом с музеем. Там она расположилась с остатками своей роскоши, которую в молодости очень любила. Говорят, была очень хороша и привыкла к широкому образу жизни, распродавая понемножку коллекцию мужа. Закутавшись в драгоценную китайскую шаль, принимала она посетителей за антикварным столиком и угощала вином из бокалов венецианского стекла. Конечно же, вокруг нее вились любители антиквариата в ожидании, когда кончится пенсия и она решится что-то продать.

Представляете их ужас, когда на свои именины эта грузная дама, выпив бокал вина, лихо бросала его за себя, разбивая вдребезги? Олег Аркадьевич любил ее, заботился о ней, наслаждался ею, как настоящий художник яркой героиней, считал необходимым заботиться о вдове своего учителя. Был вообще верным человеком.

Я по характеру никогда не был коллекционером, но жизнь и работа с замечательными художниками сформировала и у меня небольшую коллекцию. Это работы легендарного Валентина Хруща, и Стрельникова, и Люды Ястреб, и Василия Рябенко, и Вячеслава Зайцева, и Нины Федоровой, и многих других. И, конечно же, Олега Соколова. Однажды он на день рождения подарил мне книгу. Это были лично им переплетенные листки какой-то редкостной бумаги, на которых были написаны от руки посвященные мне стихи, которые естественно продолжали или перебивали рисунки и изящные графические элементы. Вся книжка была единым произведением искусства. Целым и сложным, синтетическим высказыванием о его понимании жизни. Художник может быть поэтом, живописцем, или музыкантом, или всем сразу, но это всегда образ жизни. Как настоящий художник, прожил свою жизнь Олег Соколов.

Олег Соколов и Елена Шелестова. Фото Ильи Гершберга.

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

Одесская география
Эдуарда Багрицкого

В конце мая этого года я разговаривал с Сашей Розенбоймом по телефону, договорился, что он подберет материалы для газеты и для альманаха к 120-летию Эдуарда Багрицкого. Ведь изучением его биографии, творчества Саша занимался 50 лет. Не успел. 13 июня 2015 года Александра Юльевича Розенбойма не стало.

И вот уже его жена Мила Кронфельс подготовила для газеты и альманаха бесчисленные папки с выписками, письмами — во круг Багрицкого.

Для этого номера газеты я выбрал своеобразный "путеводитель по Багрицкому", который Саша (Ростислав Александров)

готовил двадцать лет назад, к 100-летию поэта. Некоторые улицы поменяли названия. Но я не стал вносить правки в текст. Думаю, что знатоки Одессы, любители Багрицкого сами разберутся в новых и старых названиях.

Важно другое — труд этот представляется мне необыкновенно ценным. Ведь за определением каждого адреса у автора были поиски в архивах, в старых одесских справочниках, ставших раритетами — годы работы. А он был скрупулезно точен в своих исследованиях.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

"ВНУТРИ СТИХА..."

На излете 1960-х годов молоденькая мисс Уэнди Рослин из тогда еще далекого туманного Лондона надумала писать диссертацию о солнечной поэзии нашего земляка Эдуарда Багрицкого. Памятуя слова Гёте о том, что тот, кто хочет понять поэта, должен идти в страну поэта, она приехала в Одессу, и мне довелось сопровождать ее в прогулках по местам, связанным с жизнью и творчеством Багрицкого. И вот, когда уже гудели ноги от бесчисленных пройденных кварталов, рябило в глазах от калейдоскопа улиц, переулков, домов, дворов, лестниц и магнитофонная пленка, казалось, разогрелась от потока имен, фамилий, названий, дат, фактов, Уэнди остановилась и, с трудом укладывая мысль в слова чужого языка, воскликнула: "Да это же, это же... как будто ходить внутри стиха!" Слабое знание языка родило образ.

Прошли годы... Имя Уэнди Рослин я иногда встречаю в библиографиях зарубежных литературоведческих работ: похоже, стала она серьезным специалистом "с легкой руки" Багрицкого, которому, доживи он до наших дней, недавно исполнилось бы сто лет. Столетний юбилей любого писателя — это торжественно-тревожная дата, перевал, открытый всем ветрам неподкупного времени, которому одному дано право решать, останется ли автор в истории литературы или в самой литературе, что, как говорят у нас в Одессе, две большие разницы. Хочется верить, что когда уляжется смута в стране и смятение в наших душах, мы перечитаем стихи Багрицкого и сумеем оценить лучше, что он написал. С этой верой и приглашаем читателей в "Одессу Эдуарда Багрицкого".

МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ

Базарная, 40, кв. 12. Родился 22.10 (3.11) — 1895.

Екатерининская, 59. 1900 (?) — 1911.

Осипова, 11. 1911 — 1913 (?).

Осипова, 4, кв. 7. 1913 (?) — декабрь 1920, ноябрь 1921 — март 1922.

Конная, 21, кв.10. Декабрь 1920 — август 1921,

женитьба на Лидии Густавовне Суок.

Коблевская, 40. Март — июнь 1922, 13 апреля родился сын Всеволод.

Богданова пер., 3 — квартира сестры матери Багрицкого Полины Абрамовны Ройтман. Июнь — осень 1922.

Лермонтовский пер., 13 (подвал). Осень 1922 — 1923 (?).

Дальницкая, 3 — квартира ученика Багрицкого, молодого поэта Анатолия Резникова. 1923 (?) — август 1925, переезд в Москву.

Советская, 35 (Ближние Мельницы) — дом родителей Татьяны Николаевны Тэсс (Сосюра). Апрель 1923, приезд из Москвы.

Нежинская, 52, кв. 13 — квартира друга Багрицкого Николая Ивановича Харджиева. Тогда же.

УЧЕБА

Лютеранский пер., 2. Реальное училище Св. Павла). 1905 (?) — 1907 (?).

Пастера, 26. Реальное училище, учр. В.А. Жуковским. 1907 (?) — 1913 (?).

Канатная, 29 (здание не сохранилось). По-

литехнические курсы инж. М.П. Линденера (землемерное отделение). 1916.

СЛУЖБА

Коблевская, 43. Одесское отделение Петербургского телеграфного агентства. Редактор. 1916.

Преображенская, 44. Наружная милиция, милиционер. 1917.

Пушкинская, 11. Южное отделение Российского телеграфного агентства (ЮГРОСТА). Поэт-журналист. Август 1920 — октябрь 1921.

Коблевская, 25 (здание цирка). Дворец искусств и спорта, литинструктор. Ноябрь — декабрь 1920.

Екатерининская, 12. Губполитпросвет, председатель литкомиссии, заведующий литотделом, лектор. 1921 — 1924.

СОТРУДНИЧЕСТВО В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

Успенская, 58, гимназия Раппопорта. Ученый рукописный журнал "Дни нашей жизни". Псевдоним Дэзи. 1911 (?).

Дерибасовская, 12. Газета "Южная мысль". 1915 — 1916.

Газета "Станок". 1921.

Екатерининская, 8. Журнал "Огоньки". 1919. Газета "Известия Одесского губисполкома...". 1921 — 1923.

Пушкинская, 11. Газета "Одухроста", журнал "Облава". 1921.

Приморский бульвар, 1. Газета "Моряк". Февраль — октябрь 1921.

Пушинская, 3. Газета "Моряк". Январь 1923.

Дерибасовская, 2. Газета "Моряк". Февраль — август 1925.

Бунина, 21, кв. 20. Журнал "Зритель". Июнь — октябрь 1922.

Екатерининская, 12. Журнал "Театр". 1922.

Дерибасовская, 29, гостиница "Большая Московская". Журнал "Силуэты". 1922.

Дерибасовская, 16. Журнал "Силуэты". 1923.

Екатерининская, 35. Газета "Молодая гвардия". 1923.

Пушкинская, 32. Газета "Известия...", журнал "Шквал". 1924 — 1925.

УЧАСТИЕ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Новосельского, 63, здание консерватории. "Зеленая лампа". 1918.

Преображенская, 24, юридический факультет университета. Студенческий литературный кружок. 1919 — 1920, 1921.

Дворянская, 33, кв. 4. "Коллектив поэтов", 1920 — 1921.

Преображенская, 6. "Коллектив поэтов". 1922.

Степовая, 44, клуб имени Ленина. "Потоки Октября". 1922 — 1925.

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЕЧЕРАХ

Садовая, 18. Литературно-артистический клуб, июнь 1914.

Хаджибейский парк. Курзал, июнь 1914.

16-я станция Большого Фонтана. Театр Лигиной (ныне кинотеатр "Золотой берег"). Июль 1914, июль 1918.

Греческая, 48, ныне — ТЮЗ. Литературно-артистический клуб, апрель 1916, апрель 1919. 26 апреля (ст. ст.) 1916 года читал стихи в присутствии И.А. Бунина.

Ланжероновская, 2 (ныне — Литературный музей). Клуб интеллигенции "Культура", июль 1918.

Екатерининская, 6, левый дворовой флигель, 1-й этаж. Клуб поэтов "Пеон 4-й", лето 1920.

Елизаветинская, 18, подвал. Кафе поэтов "Хлам", август 1920.

Кафе поэтов "Мебос", июнь 1921.

Ланжероновская, 28. Клуб губмилиции. 1920.

Дерибасовская, 33 (в "Пассаже"). Клуб "Октябрьская революция". 1920.

Греческая, 48 (ныне Русский театр). "Крестынский дворец". 1920 — 1921.

Дворянская, 2 (главный корпус университета). Актовый зал высшей школы. 1920 — 1921.

Екатерининская, 11 (вход со стороны Палестинской). Клуб профсоюза совработников. 1921.

Ришельевская, 10. Центральный "Зал депеш" ЮГРОСТА. 1921.

Черноморского казачества, 6. "Зал депеш" ЮГРОСТА. 1921.

Прохоровская, 48. "Зал депеш" ЮГРОСТА. 1921.

Ланжероновская, 6 (ныне — Морской музей). Клуб имени Ласточкина. 1921. 17 июня читал поэму А. Блока "Двенадцать".

Черноморского казачества, 20. Клуб "Октябрьская революция". 1921.

Гоголя, 5. Клуб райкультвода, 1921.

Преображенская, 14 (ныне — художественное училище). Государственные художественно-производственные мастерские. 1921.

Жуковского, 24. Клуб "Швейпром". 1921.

Пушкинская, 5. Народная консерватория "Всерабис". 1921.

Пироговская, 2. Военно-клинический госпиталь. 1922.

Еврейская, 53, кв. 3. "Мастерская композиторов", 1922.

Соборная площадь, 2, кв. 12. Мастерская производственно-синтетического театра. 1922.

Екатерининская площадь, 8. Дом работников просвещения. 1924.

Пастера, 25. Одесский губпартклуб. 1925.

КВАРТИРЫ РОДСТВЕННИКОВ, ДРУЗЕЙ, ЗНАКОМЫХ

Княжеская, 6, кв. 1. Алексеев Михаил Павлович — литературовед.

Новосельского, 67, кв. 16. Бондарин Сергей Александрович — член "Коллектива поэтов".

Жуковского, 4, кв. 20. Бобовичи, Борис Владимирович и Исидор Владимирович — члены литературных объединений.

Жуковского, 22, кв. 23. Гельман Макс Исавич — скульптор.

Княжеская, 15. Деснер Давид Нисанович — соученик по реальному училищу Жуковского.

Базарная, 28. Дзюбин Давид Мошкович — брат отца Багрицкого.

Еврейская, 56. Долиновы Георгий Ильич и Вадим Ильич — члены литературных объединений.

Щепкина, 9. Кипен Александр Абрамович — писатель, ученый-винодел.

Преображенская, 38. Кранцфельд Александр Моисеевич — член литературных объединений, студент-медик.

Софиевская, 11. Мандес Михаил Илларионович — профессор, давал Багрицкому уроки латинского языка.

Юрия Олеши, 3, кв. 2. Олеша Юрий Карлович — член литературных объединений.

Успенская, 47. Ослан Давид — друг детства, рабкор.

Черноморская, 8, дворовый флигель (не сохр.). Паустовский Константин Георгиевич — помощник редактора газеты "Моряк".

Конная, 6. Сторицын (псевд., наст. фамилия Коган) Петр Ильич — студент-химик, автор поэтических публикаций.

Степовая, 12. Соколовский Александр Саулович — член литературных объединений.

Толстого, 15 кв. 9. Суок Софья Николаевна и Густав Алоизов — родные жены Багрицкого.

Лагерный переулок, 8. Фиолетов Анатолий Васильевич (псевд., наст. фамилия Шор Натан Беняминович) — член литературных объединений.

Осипова, 29. Шерешевский Илья Вениаминович — студент юридического факультета университета, репетитор Багрицкого по русской словесности.

ПРОЧИЕ АДРЕСА

Мечникова, 104. "Народная аудитория" (ныне к/т "Родина") — пункт медицинского освидетельствования призванных.

Преображенская, 32. Пивное заведение "Гамбринус" — знакомство с персонажем рассказа А.И. Куприна Сашкой-музыкантом (А.И. Певзнером).

Гаванная, 11. Одесское фотографическое общество — место последней одесской фотосъемки Багрицкого, апрель 1928.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Его рисовал Модильяни

Впервые о Марке Талове мы прочли в книге В.Я. Виленкина "Модильяни", вышедшей в 1970 году в серии "Жизнь в искусстве". Это имя стояло под карандашным портретом молодого человека. Женя начал искать это имя (Интернета ведь не было) в доступных нам источниках — в БСЭ, в Литературной энциклопедии... В книге А. Тарасенкова "Русские поэты XX века. 1900 — 1955" нашел, что у знаменитого библиофила была в собрании первая книга М. Талова.

В "Комсомольской искре" Голубовский опубликовал небольшую статью с сюжетом, посвященным Марку Талову, и репродукцией портрета из книги Виленкина. Сергей Лущик, который собирал книги, семейные архивы и другие материалы о культуре и литературе Одессы XX века, вырезку с этой публикацией послал в Москву вдове Марка Талова, с которой уже был знаком.

Через некоторое время Женя из Москвы получил неожиданный подарок от вдовы поэта. Это была книга Марка-Людовика Талова "Двойное бытие". На авантитуле под названием книги — эпиграф:

О вещая душа моя,
О сердце, полное тревоги, —
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Ф.И. Тютчев.

На контртитутле:

1. "Чаша Вечерняя" Стихи. Обложка Ар. Кобцева. Изд. "Воспитание". Одесса, 1912 г. Ц. 25 коп. (Исчерпано.)
2. "Любовь и Голод". Книга лирики с портретом автора работы Ант. Симона. Фронтиспис Ос. Цадкина и грав. на дереве: Отт ванн-Рейса и Ортиса де Зарате. Изд. "Орфей", Париж, 1921 г. Ц. 10 фр. (Исчерпано.)
3. "Двойное бытие" — Стихотворения 1916 года. И-ство "Франко-Русская печать", Париж, 1922, цена 4 фр.

Готовятся к печати

4. "Камера причуд". Поэмы.
5. "Аллилуйя". Воспоминания о францисканском монастыре.
6. "Под Бритвой". Современный роман.
7. "Анекдоты, или Стихотворения в прозе" СТЕФАНА МАЛЛАРМЕ в переводе и со вступительной статьей Марка-Людовика Талова. Портрет Стефана Малларме работы Уистлера.

Может быть, и не следовало бы так подробно перепечатывать эти сведения, если бы...

Если бы все книги, объявленные как готовые к печати, остались невышедшими при долгой жизни их автора...

Если бы "русский менестрель" Парижа, не выдержав разлуки с родиной, не вернулся в 1923 году в Советскую Россию...

Если бы...

Первую книгу Марка Талова оформлял Аристарх Кобцев. В начале XX века Аристарх Аристархович Кобцев был художником известным — из Товарищества юнорусских художников, потом выставялся в "Салонах Издубского", был участником Общества независимых.

"Поэт, переводчик С. Малларме, одессит Марк Талов в не опубликованных до сих пор записках "Моя юность" (машинописный экземпляр их есть в архиве С.З. Лущика) вспоминает осень 1907 года и свои визиты в редакцию одной из появившихся тогда недолговечных газет: "Последний номер "Студенческого голоса" был № 6. По этому номеру я себе живо представляю Аристарха Аристарховича Кобцева, поэта и художника, впоследствии написавшего обложку моей пробы пера, вышедшей в марте 1912 года; помню его, высокого и застенчиво улыбавшегося, мы с ним возвращались из редакции, и я ему завидовал: "Вот ведь! Его напечатали, а меня нет!" Он был тих, как осенний день на окраине города, да он и жил на окраине..."

(Из статьи Ольги Барковской об Аристархе Кобцеве.)

К этим сообщениям на контртитутле, наверное, нужны емкие комментарии.

Тем более хоть краткого повествования заслуживает Марк Владимирович Талов — поэт, переводчик, человек удивительной и трагической судьбы.

В последние два с половиной десятилетия, к счастью, появилось несколько замечательных публикаций о Марке Талове, начиная с того, что в 1990 году вышел том стихов Ст. Малларме в переводах М. Талова, объявленный, если помните, еще в 1922 году; затем в 1995-м — его "Избранные стихи". Через де-

сять лет, в 2005 году, опубликованы были заботами вдовы и дочери "Воспоминания. Стихи. Переводы" Марка Талова. Предисловие к этой книге написал известный французский славист и коллекционер Рене Герра. А если нет доступа к бумажным изданиям, не всё, но многое можно найти в Интернете. Пожалуй, последняя книга, где "присутствует" Марк Талов, — большой том "Литературный авангард русского Парижа. История. Хроника. Антология. Документы". Авторы — Леонид Ливак и Андрей Устинов. Москва. ОГИ. 2014 год.

О Марке Талове можно было бы написать — малоизвестный в Одессе знаменитый одессит...

Свои воспоминания Марк начинает словами: "Я родился в Одессе 1 (13) марта 1892 года в семье столяра. Всего в семье было семеро детей. Мы жили на Молдаванке, в доме Базили, занимавшем целый квартал. Наша квартира находилась прямо над пороховым складом в том крыле дома, где жила преимущественно беднота..."

Он запомнил 1905 год: "...казаки проносятся мимо дома и стреляют в наши не занавешенные окна, целясь в меня и стоящую рядом сестру".

Из городского шестиклассного училища из-за математики он ушел, не окончив четвертый класс. Попытки отца приучить сына к какому-нибудь "полезному делу" были напрасными. Сын писал стихи.

В 1908 году в газете "Театральный листок" была первая публикация Марка Талова — пародия на К. Бальмонта. В том же году — стихи в журнале "Волна".

Огромную роль сыграл в жизни Талова знаменитый критик Петр Пильский, приехавший в Одессу из Петербурга "Он любил одесскую литературную молодежь" — справедливо пишет Марк Талов. Этому есть много свидетельств. Пильский рассылал в разные издания юга России и в Петербург понравившиеся стихи одесских поэтов. Так, с 1908 по 1913 год было опубликовано около восьмидесяти стихотворений молодого поэта, не окончившего и четырех классов...

А в 1912 году в Одессе вышла первая книга стихов Марка Талова "Чаша вечерняя". С этим сборничком стихов Талов отправился на встречу с Федором Сологубом, приехавшим в Одессу с лекцией об Игоре Северянине.

Точнее, приехали Сологуб, его жена Чеботаревская и любимец публики Игорь Северянин. Но Талова привлекал знаменитый символист Федор Сологуб...

"Постепенно от всей моей книжки он не оставил камня на камне. Я был уничтожен. ...он остановился на стихотворении "Смерть Азы"...

Я выдумал тебя, когда меня душила
Безвольная тоска.

Она ко мне безмолвно приходила
Издалека..."

"Музыкальные", — сказал Федор Сологуб об этом стихотворении и о "Стансах", протянутых ему молодым поэтом. Успех это был или провал?..

Талов после всех неудачных попыток зарабатывать на жизнь, наконец, устроился корректором в "Одесском листке", где стал получать 30 рублей в месяц. По его словам, отец и мать ликовали.

Подождал срок призыва в армию. Он не успел принять присягу, как был оскорблен пощечиной от интер-офицера. И уже давно овладевшая им мысль о бегстве во Францию стала материализоваться в совершенно детективном жанре — с 52 рублями в кармане он едет в Каменец-Подольский, находит людей, которые переводят его через границу, со всякими мучениями и приключениями: без денег, которые были потрачены на билеты до Вены, а потом до Парижа, без французского языка, с чужим паспортом — он в конце концов оказывается во французской столице.

Началась невероятная французская пора в его жизни. Нищета, голод, стихи, знакомство в "Ротонде" с разноязыкой парижской богемой. Через два года, в 1915 году, Талов, перешедший в католичество, приобретает новое имя — Людовик, уходит во францисканский монастырь; пробыв там два месяца, возвращается на Монпарнас. Завязалось уже не просто знакомство, а настоящая дружба со многими завсегдатями "Ротонды": художниками, поэтами, ставшими уже тогда или через несколько лет знаменитыми, чему есть многочисленные свидетельства.

Портреты-рисунки Марка Талова работы Амедео Модильяни и его жены Жанны Эбютерн теперь можно увидеть в книгах, посвященных творчеству и судьбе Марка Талова. Забегая вперед, скажу, что в 60-е годы Марка Талова разыскала дочь Амедео Модильяни и Жанны Эбютерн, которую, как и мать, звали Жанной. Она лишилась родителей крошечным ребенком и расспрашивала у Талова о своих родителях, которых совершенно не помнила и не знала...

Портрет М. Талова работы А. Модильяни, 1919 год.

Часто репродуцируется карандашный портрет работы Макса Жакоба, знаменитого французского художника и поэта, как и Марк Талов, перешедшего в католичество, что не спасло его во время оккупации Франции нацистами. Он погиб в концлагере Дранси. На своем рисунке за двадцать лет до гибели Макс Жакоб написал: "С большим восхищением поэту Марку Талову, Макс Жакоб, его друг, 20 июля 1920 года".

Работа испанского художника Антонио Симонта: "Марку Талову с любовью — Антонио Симонт — 1919", А.-П. Гальена — гравюра и шарж. Осип Цадкин оформляет титульный лист книги Талова "Любовь и голод", 1920 г.

Сохранившиеся дружеские автографы Д. Мережковского, К. Бальмонта, В. Парнаха, Ильи Эренбурга, С. Шаршуна Макса Жакоба, Андре Бретона... И многочисленные надписи А.М. Ремизова, сделанные его непотворимым витиеватым шрифтом на подаренных Талову книгах. Это всё еще в Париже сделано, надписано, подарено.

И вдруг резкий, невероятный поворот судьбы: в 1923-м через Берлин Марк Талов вернулся в Россию. Жил очень тихо, почти затворником, работал корректором в разных газетах, вернулась испытанная в первое время еще в Париже бедность. Но и в Москве у него был небольшой, но замечательный круг общения — Осип Мандельштам, Владимир Пяст, Арсений Тарковский, Анна Ахматова. Особенно близок он был с Ильей Эренбургом, дружба с которым началась еще в "Ротонде". Эренбург ему очень помогал, добивался, чтобы Талов, как переводчика, приняли в Союз писателей — это обеспечивало бы какое-то сносное существование. Рекомендации И. Эренбурга и Б. Томашевского, знаменитого пушкиниста, не возымели действия.

Неожиданно в судьбу Талова вмешался Николай Асеев. И во время войны, в 1943 году, его приняли в СП. Но жена Эрнестина, которая ждала его 8 лет, пока он жил во Франции,

и дождалась, и перенесла с ним все тяготы нищенской судьбы, уже тяжело болела, а голод ускорил ее кончину.

В опубликованных вместе с воспоминаниями дневниках Талова есть один пронзительный эпизод о встрече с Мариной Цветаевой (она была с сыном) 2 августа 1941 года. Талов не видел ее с 1922 года и не узнал ее, так она изменилась. Цветаева курила, а он уже несколько дней сидел без табака — денег не было. "Она посмотрела мне в глаза, — пишет Талов, — достала пятирублевую ассигнацию, очень деликатно и незаметно сунула ее мне в руку. "Беденький, вам табачку хочется. Возьмите. Сейчас не время застенчивости. Все мы можем оказаться в таком же положении. Возьмите и купите табак".

Знала бы Марина Ивановна, что в конце августа произойдет в Елабуге... В сентябре вест о ее гибели дошла до Москвы.

После войны, в конце 50-х, в 60-е годы, во времена, по выражению А. Ахматовой, "вегетарианские", возродилась переписка со старыми друзьями в Париже, которые его помнили и ценили, как и в былые годы.

Сам же Марк Талов занимался переводами стихов с европейских языков, а также с армянского, белорусского, грузинского. Его стихи, посвященные Тициану Табидзе и Нико Пирсоманишвили, вызвали в среде грузинской интеллигенции такой восторг, что его стали называть "Поэтом Грузии".

Но его стихи, даже подготовленные к печати, валялись по редакциям. В 1964-м в альманахе "День поэзии" было опубликовано стихотворение Марка Талова. Это было единственное стихотворение поэта, опубликованное за сорок шесть лет после возвращения на родину...

Через три года после этой единственной публикации Марк Владимирович Талов умер. Ему было 77 лет. К 2005 году умрет его дочь, затем — вторая жена. И лишь после всех этих горьких лет непризнания начинается его бессмертие...

Светлана ВАСИЛЬЕВА

Освобождение Одессы

ФРАГМЕНТ ИЗ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ

Проснулась часа в четыре утра. Тишина. Ни взрывов, ни звуков отдалённого боя. Зловещая неизвестность и тишина. Несколько всадников появились на нашей улице. Это были панически бегущие немцы. Они хотели спрятаться в каком-нибудь доме. Лихорадочно стучали в наши ворота. Им не открыли. Постучали в соседний дом. Там тоже не открыли. Они промчались на конях дальше в сторону моря. И опять гнетущая тишина.

Около меня крутились две дочки дворника — предлагали поесть, выпить воды. Но я от всего отказывалась. Две девушки — шестнадцати и восемнадцатилетние. Старшая — Тамара, некрасивая, курносенькая, круглолицая, добрая и спокойная, какая-то уютная. Младшая — Женья, очень красивая, нервная, слегка колючая. Я любовалась ею: чётко очерченным разрезом глаз, тонкими, как струночка, бровями, точёным носом, красивым ртом. Следила за ней, не отрывая взгляда, забыв о том, что происходит вокруг. Между тем стало светло. Шесть часов утра.

Что происходит в городе, никто не знал. Всю ночь пылавший по соседству дом, подожжённый немцами, давно догорел. Жильцы нашего дома скопились в подъезде. Никто не знал, следует ли открывать ворота. Неизвестность томила. Стали выглядывать через окошко в воротах. На улице ни души. Приоткрыли чуть-чуть ворота. Я, конечно, высунула голову: любопытство одолевало.

Увидела довольно забавную картину. Из ворот противоположных домов, доступных взору, высунув головы (только головы), на нас смотрели испуганные люди. Они не решались выйти из ворот. Мы выглядели, по-видимому, так же, как и они, как многие другие в соседних домах. Прошла минута, другая... Но вот какая-то женщина, не выдержав, выскочила из ворот, выбежала на середину мостовой, увидела идущих по улице Канатной военных и заорала во всё горло:

— Так это же наши! Н а ш и! Н а ш и!

Её крик разрушил напряжённое молчание. Сразу же ворота домов широко распахнулись, и людская волна хлынула на улицу. Все в сильном волнении побежали к Канатной. Впереди всех — мальчишки, и я с ними.

По мостовой тихим, медленным, усталым шагом шли наши войска. Молодые невысокого роста солдаты, только что вышедшие из боя, с оружием в руках, в грязных плащ-палатках, в запятанных касках и заляпанных грязью сапогах.

Наши, советские, русские, дорогие сердцу ребята. В другой, ещё неизвестной нам военной форме. Они широко улыбались на радостные приветствия. Одна баба вышла навстречу воинам с ведром вина. Она черпала вино кружкой, передавала её солдатам. Те, отпив вино, передавали кружку соседу и возвращали пустую бабе. Она в радостном возбуждении торопливо черпала вино и вновь передавала его идущим солдатам, приговаривая:

— Мальчики, мои дорогие, родные, как мы рады, что вы здесь! Пейте, пейте, я ещё принесу. Солдаты, пригубив вино, молча благодарно улыбались и шли дальше свободным строем. Люди толпились по обе стороны мостовой. Мальчишки вышагивали в такт рядом, иногда пытаясь взять солдата за руку.

— Смотрите, среди них казахи или киргизы с раскосыми глазами, — говорил кто-то. — А мы думали — калмыки.

— Может, и калмыки. Только другие — советские.

На углу улицы остановился всадник в плащ-палатке. Спрыгнул с коня, сдвинул набок плащ. Я увидела на его плечах погоны, а на груди орден. Это был очень молодой человек, лет восемнадцати, не более. Простое круглое лицо его с курносым носом светилось радостью. Он постоял рядом с конём, похлопывая коня ладонью, посмотрел на идущих солдат, вскочил на коня и поскакал вперёд к Куликовому полю.

Войска только вошли в город. Ещё не на всех улицах поняли, что город взят нашими доблестными войсками, ещё не все улицы очищены от немцев. Но у нас создалось ощущение, что в городе уже нет ни одного немца. Мы бежали, орали, размахивали руками. Всё это от избытка чувств, энергии и счастья, что живы, что спасены.

Я прислушалась к говору людей, скопившихся на тротуаре. Они делились переживаниями прошедшей ночи. И, как обычно бывает после сильного нервного перенапряжения, посмеивались, вспоминая, как им теперь казалось, смешные моменты.

— Когда немцы подошли дом, моя бабуля не поняла, что весь дом горит. Говорит: "Подожду, когда потушат". "Кто потушит?" — спрашиваю, — немцы?" Еле спустила её с окна второго этажа. Жопка большая, повернуться не может, тяжёлая. Спасибо, дворник поставил лестницу, помог. А она о вещах. Видите ли, забыли какую-то картину... Выбрались с горем пополам

во двор. О вещах не думали. Лишь бы детей и стариков спасти.

— Несколько человек выпрыгнули из окна.
— Разбились?
— Да. Убились!

— Пробили забор нашего двора, вышли в соседний двор дома, который на параллельной улице Успенской. Остались во дворе на ночь. Замёрзли, как собаки. Там большой двор — пустырь. На улицу не выходили: боялись, думали, тут нас всех и прирежут калмыки.

— А у нас одна девка забеременела от немца, — включилась в разговор дворничиха с Канатной. — Стала она смотреть, как пылают ярким пламенем дом. От испуга начала рожать. Что делать? Никакой помощи нет. Пришлось соседу принимать роды. Так намалялись, что не заметили, как наши пришли.

— Кто родился? — включился чей-то любопытный голос.

— Мальчик! Полурусский, полунемец, но всё же дитё.

— А в нашем доме у одной гулящей девки только что в постели нашли двух пьяных немцев. Соседи сказали военным. Они их увели, чтобы расстрелять подальше.

Больше не стала слушать разговоры, побежала домой. Папа суетился на кухне, старался что-либо приготовить. На примусе уже кипел наш большой медный чайник.

В дверь постучали. Открываю. Предо мной стоит белобрысый парень. В руках его автомат, на груди накрест две пулемётные ленты. Лицо сияет.

— Где мама? — спрашивает он.

— Чья мама? — спрашиваю его сердито.

— Моя мама! — уверенно отвечает парень. — Я — Якуб Ян, партизан, — говорит он с нерусским акцентом. — Меня спасла твоя мама. Теперь она и моя мама: подарила мне жизнь. Где она?

— Она в клинике, — сказала я наугад. Догадалась, что это чех, которому мама оказывала помощь в катакомбах.

— Передай ей, что был её сын Якуб, помнит буди всю жизнь! — и побежал.

Дома мамы не было. Я сказала, что она в клинике. А где же она может быть? Однако вспомнила, что сразу же после того, как мы узнали, что пришли наши, часов в шесть утра мама побежала к тётке Наташе, у которой последние дни находилась Ася. Всё ли там в порядке? Живы ли? Сейчас уже 11 часов, а мамы нет. И об Асе никаких известий нет.

Побежала к тётке Наташе. На углу Канатной и Малой Арнаутской встретила маму. Она шла из хирургического отделения, куда накануне доставила со своей бригадой раненого. Хотела проверить, жив ли, каково его состояние. С Асей благополучно. Это всё, что я могла узнать от неё в тот момент.

За ней увязалась какая-то тётка, которая надела себе на плечо санитарную сумку, изображая медсестру. Она пристала к маме, зная, что мама врач. Чем она занималась при оккупации — неизвестно. Но сейчас она стремилась продемонстрировать активность. Говорила, что в дом на Полицейской улице попала бомба, что надо оказать помощь. Пришлось маме идти на Полицейскую, я увязалась за ней.

В дом номер один действительно ночью попала небольшая бомба или снаряд. Погиб мужчина, отец двух детей. Тело его лежало на дощатом столе, за которым обычно во дворе играли в домино. Молодая женщина с маленьким ребёнком на руках оплакивала его, рядом крутилась девочка постарше.

Нас повели в подвальное помещение, где находилась раненая женщина. Я её увидела при свете свечи, испуганную, плачущую. Мама осмотрела её. Сказала, что у неё психотравма, лёгкие царапины на коже, серьёзных повреждений нет. Приспособила к ней привязавшуюся так называемую медсестру, и мы направились домой.

Не заходя домой, я решила всё же привести домой Асенку. Асю я нашла здоровой, невредимой. Ночью она беззаботно спала. Жильцов дома тётки Наташи никто не беспокоил.

Теперь можно было всем вместе передохнуть. Особенно в отдышке нуждалась мама. Оказалось, что ей пришлось перенести немалое потрясение сегодня утром. Я попросила рассказать об этом. Мама прилегла на кровать, я усеялась рядом, стала слушать. Узнала следующее.

После того как я рассталась с мамой вчера за полчаса до запретного времени, раненого донесли до хирургической клиники к трём часам. Раненым, оказывается, был лётчик, Герой Советского Союза. Его выкупили у румын. Документы лётчика и звезду Героя мама спрятала у себя на груди. Военную одежду бросили в урну, одели в простые брюки и рубашку. Он нуждался в нейрохирургической операции. Поэтому решили не оставлять его в стоматологичес-

кой поликлинике, а по возможности срочно доставить в хирургическое отделение, в котором дежурил в это время мамин коллега доктор Середницкий.

Не приходя в сознание, "рабочий, упавший с крыши", стал кричать: "За Родину, за Сталина! Бей гадов!" Он ощущал себя ещё в бою. Это представляло опасность. Персонал всё слышал. Могли выдать. В то, что перед ними обычный кровельщик, уже никто не верил. После того как лётчика усыпили, мама отдала его документы и звезду Героя доктору Середниக்கு. При этом даже не запомнила фамилию и имя лётчика (она вообще плохо запоминала фамилии). Главное — это до трёх часов попасть домой. Между тем уже пошёл четвёртый час. Жизнь её продолжала оставаться в опасности, но она об этом не думала. Невзирая ни на что, благополучно, никого не встретив, пришла домой. Всё это было накануне.

Утром десятого апреля мама, как я уже упоминала, поспешила к тётке Наташе: хотела как можно скорее узнать, всё ли у них в порядке, увидеть свою маленькую Асенку живой и невредимой.

После того как она убедилась в том, что все живы и здоровы, она направилась в хирургию, где накануне оставила раненого лётчика. По дороге произошло неожиданное. Оказывается, мама, желая узнать, что с Асей, пошла на улицу Гимназическую, опередив наши войска, которые шли по улице Канатной.

В здании бывшего сельскохозяйственного института засели немцы. Боковая часть этого здания, как известно, выходит на улицу Гимназическую, а из заднего флигеля этого дома открывается вид на Куликово поле. Чтобы попасть в хирургию, необходимо было перейти улицу Тельмана (Итальянский бульвар), сократив путь, пройти через кустарник Куликова поля и выйти на Канатную, по которой уже шли наши войска. Находясь между зданием сельскохозяйственного института и Куликовым полем, она попала в центр перестрелки между немцами, засевшими в здании, и пулемётной командой наших, стремившихся выбить немцев из здания. Оказавшись на открытом пространстве, мама побежала в сторону пулемёта, к кустарнику.

Немцы дали очередь из автомата — ранили пулемётчика. Мама взвалила раненого на спину и потащила тяжёлую ношу в больницу, сказав солдатам, где его найти. Стрельба продолжалась. Войска только-только подошли к Пироговской. Увидев маму, несущую на своей спине раненого солдата, несколько бойцов помогли донести его до хирургического отделения.

Тем временем здание сельскохозяйственного института освободили от немцев. Товарищи раненого притащили немца, который ранил их командира. Они ворвались в палату с требованием, чтобы раненый лейтенант сам застрелил испуганного немца. Но их командир умирал. Усилия врачей, стремящихся спасти его, из-за тяжести ранения оказались напрасными. Его бойцы вывели немца во двор и расстреляли.

После случившегося мама пошла домой. На Канатной встретила меня. О том, как к нам привязалась новоявленная сестра и потащила нас на улицу Полицейскую (Бунина), я рассказывала выше.

Забегая вперёд, скажу, что спасённый мамой лётчик, Герой Советского Союза, пришёл в сознание, выжил и спустя некоторое время вновь стал летать. От него мама получила несколько писем. В последнем он писал, что участвует в боях за Варшаву. В письме он называл мою маму своей мамой. К сожалению, фамилии и имени его я не запомнила, а письма не сохранились. Мама в своём поступке ничего героического не видела. Никому из официальных лиц об этом случае не рассказывала. А вот доктор Середницкий, не упоминая маму, рассказал, как он спас лётчика. За этот героический поступок его наградили орденом Красного Знамени. Об этом через много лет он сообщил маме в письме, которое я читала.

Однако продолжу, потому что события, происходившие десятого апреля, ещё не кончились. Не прошло и часа после мамингого рассказа о том, что произошло с ней утром, как к нам постучали. Я пошла открывать дверь. На пороге стоял высокий стройный военный, майор медицинской службы. Он приехал к маме.

— Нина Григорьевна, — сказал майор, — нам нужна ваша помощь. Наш генерал уже четвертые сутки страдает от зубной боли. Зуб вылезал нагноение, развился отёк лица. Я не специалист. Поехал в стоматологический институт за помощью. Там сказали, что помочь можете только вы. Дали ваш адрес. И вот я перед вами. Помогите!

— Где же ваш больной? — спросила мама.

— На линии фронта, — ответил майор. — Отлучиться никак не может, — добавил он, помол-

чав. — Я прошу вас поехать со мной. Это недалеко. Наши войска остановились на лимане. Генерал дал в ваше распоряжение машину.

Уточнив некоторые медицинские детали, мама взяла необходимый инструмент и собралась было идти, как к ней подошла Ася. Она взяла маму за руку и в свойственной ей требовательной манере заявила: "Я с тобой!" Мама беспомощно посмотрела на майора:

— Девочка меня не видела более недели.

— Берите её с собой, — понимающе сказал майор. — Сейчас на линии фронта спокойно. В ближайшее время боёв не будет. Пусть едет.

Они ушли. Я осталась ждать. Эйфория охватила всех, в том числе меня. Ничего опасного в поездке на фронт ни я, ни папа не видели.

Вышла на балкон. Вечерело. Ещё утром я была в зимнем пальто. А сейчас резко потеплело. Тихий весенний вечер. В глубине высокого неба появляются маленькие звёздочки. Будто не было взрывов, стрельбы, пожаров, канонады боя. Напротив нашего дома — посиделки жильцов с солдатами. Негромкий задушевный разговор, прерываемый пением вполголоса советских любимых песен.

В квартире нашей не убрано. Вылетевшие из окон стёкла валяются на полу. Пыль на мебели, книгах... Но это не раздражает, не печалит. Настроение спокойное, светлое. Тепло на улице, тепло в квартире, тепло и умиротворённо в душе.

Занялась уборкой. Быстро стало темнеть. Мамы и Аси не было. Вроде не волновалась, но постепенно тревога стала настойчиво в меня проникать. Уже двенадцать, а их всё нет.

Появились в час ночи. Первой вошла мама. За ней майор нёс на руках спящую Асю. Взялись на четвёртый этаж с трудом: мама — от усталости, майор — от тяжёлой ноши. Асю уложили в постель. Майору предложили переночевать у нас. Он отказался. Сказал, что будет спать в машине.

Утром выслушала мамин рассказ. Передаю его содержание.

Ехали на лиман (какой лиман, мама не знала) довольно спокойно. Дорога длинная. Видны следы недавнего боя: павшие лошади, разбитые снарядом телеги, воронки от взрывов, брошенное оружие — пушки, пулемёты... трупы.

Войнская часть располагалась на берегу лимана, в чистых свежеевыбеленных хатках. Асю оставили на попечение военных женщин в одной из хаток. Её уложили в трофейный шокотом и печенем. Она всё это с жадностью ела. Тем временем мама оказывала помощь генералу. Как я имела возможность убедиться позже, это был генерал И.А. Плиев.

Пришлось удалить больную зуб, вскрыть абсцесс, провести дополнительные лечебные мероприятия. Генерал всё переносил терпеливо, полностью подчинялся требованиям врача. Оказался он очень симпатичным, жизнерадостным, приветливым человеком. Мама взяла с него слово, что он, когда позволит ситуация на фронте, найдёт время посетить в Одессе медучреждение, потому что надо продолжить лечение. Это была оказана главная, но первая помощь. Все необходимые рекомендации по лечению были даны майору и адъютанту генерала — молодой симпатичной женщине.

Майор с мамой и Асей отправились в обратный путь вечером. Стемнело. Дороги в город шофёр не знал. Мама — тем более. Ехали по вспаханному войной полю, по ухабам, мимо мёртвых лошадей. Разбитых орудий. Поле, степь, и ни зги не видно.

Ася укачалась в закрытом легковом автомобиле. Её стало тошнить (много съела шоколада), возможно, в машину попали выхлопные газы. В обморочном бессознательном состоянии мама вынесла её из остановившейся машины на воздух. Стала делать искусственное дыхание, приводить к жизни. Думала, что потеряет ребёнка. В это время над ними появился вражеский самолёт-разведчик. Прижались к одинокому тонкому дереву, казалось, что лётчик их может заметить. Теперь, когда все переживания остались позади, возник страх за жизнь ребёнка, за свою жизнь. Долго ещё блуждали они по полю недавнего боя в поисках дороги. Всё же нашли. И вот благополучно вернулись. Маленькая Ася тоже кое-что помнила и уточнила мамин рассказ, вспомнив о белых хатках и о шоколаде.

На этом закончился, казалось, бесконечно длившийся день 10 апреля, день освобождения Одессы от немецко-румынских захватчиков, от фашистов. Но война ещё продолжалась. Окончание её наступит только через год и двадцать девять дней. Пока мы праздновали конец оккупации.

Праздничные фейерверки, ракеты освещали улицы. Стрельба в небо из автоматов и ружей. Яркие одежды женщин. Гуляние по улицам до глубокой ночи. Всё это продолжалось в течение недели...

Евгений ДЕМЕНОК

Давид Бурлюк и братья Сойеры

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Американский период жизни Давида Бурлюка оказался самым продолжительным — около сорока пяти лет. За это время неистовый Бурлюк приобрёл множество знакомых и друзей, но среди ближайших было всего несколько художников — братья Рафаэль и Мозес Сойеры и Николай Цицковский, ставшие вместе с Бурлюком основой группы "Хэмптон-Бейз".

21 мая 1957 года Давид Бурлюк писал своему многолетнему другу по переписке, "духовному сыну", тамбовскому коллекционеру Николаю Алексеевичу Никифорову (письма публикуются с сохранением орфографии и пунктуации): "Вы пишете о моих друзьях. Друзей: братья Сойера, Цицковский и, конечно, около 600 "знакомых", но в наши годы, живя в деревне, видим их лишь на открытиях наших выставок или, если они приходят в нашу деревенскую местную галерею. Она открывается 1 июня. Маруся сидит там 3-5 после полудня пятн., субб., воскр.."

В многолетней переписке Бурлюков (Давида и его жены Маруси) с Никифоровым — множество упоминаний о братьях Сойерах. Вот отрывок из письма от 6 марта 1957 года: "В Тамбовской губернии родились (в Моршанске?) в семье равнина местного 3 братьев И., М. и Р. Сойер. Последние 2 близнецы (1899 г. 25 декабря). Они в 1911 г. мигрировали в САСШ. Говорят чисто по-русски. Прогрессивные. Мозес и Рафаил выдающиеся мастера соврем. америк. искусства. Наши дорогие, ближайшие друзья — Рафаил Сойер сейчас получил 7-ую уже Золотую медаль на академической нац. выставке. Чудесный человек. <...> О Сойерах, родившихся на Цне (?), у меня имеется "поэма" — речь, читанная на одном их чествовании. Она по-русски. Найду (когда) пошлём".

24 марта 1957 года: "Я вам должен переписать мою поэму о Сойерах — уроженцы Тамбовской губернии. Она у меня на столе".

18 июля 1957 года: "На днях пошлём вам книгу и книги Мозеса и Рафаила Сойер (мою поэму о них найду!) с автографами вам".

Бурлюк всегда писал о Сойерах в превосходной степени. Например, так: "Достал для вас книжку, биографию тамбовца Мозеса Сойера (он американский Дега) — попрошу его сделать вам автограф". Или так. Например (22 января 1959 года): "Это автограф знам. америк. художника Мозеса Сойер; его брат-близнец Рафаил Сойер. Оба выдающиеся представители амер. реалистической живописи".

Бурлюк и братья Сойеры принимали участие во множестве совместных выставок и подолгу сотрудничали с одними и теми же галереями — в первую очередь, с "ACA Gallery" в Нью-Йорке. Вот что пишет Бурлюк Никифорову 30 сентября 1958 года:

"Получили ли вы каталог америк. искусства Витней музей? Также 50 америк. художников? Просьба ответить. Там вы найдёте всё те же имена, что и на каталоге АСА. Сюжетная, анекдотическая живопись (в типе немецкой школы), господствующая ныне в СССР, в САСШ теперь не в моде. Здесь "в моде" искусство Сезанна, Ренуара, Der Blaue Reiter, Кандинский, Макс Ф. Марк — Бурлюк, здесь братья Рафаил и Мозес Сойер и т.д.."

Проявлением дружбы стало написание портретов друг друга. Портрет Бурлюка работы Рафаэля Сойера (1939 год) был напечатан на цветных открытках в количестве 25 миллионов экземпляров. Так же поступил и Бурлюк — он написал портрет Рафаэля и также издал его на открытках. На одной из таких открыток 13 ноября 1958 года он написал Никифорову: "Вот наконец, эта открытка в вашей коллекции. Сойер получил в САСШ все золотые медали, которые за последние 150 лет были выданы величайшим мастерам живописи в Америке".

Ещё одним проявлением дружбы — традиционное для художников явление — стал обмен своими работами. Бурлюк пишет Никифорову (24 сентября 1961 года): "Вам посылаю 2 открытки портрета Р. Сойера, он будет представлен на америк. выставке в Москве. У нас до 25 его работ в нашей коллекции. Он ежегодно дарит "из уважения" к нам (как Бурлюку) свои работы".

Когда в 40-х годах прошлого века Бурлюки переехали из Нью-Йорка в "деревню", на Лонг-Айленд, братья Сойеры купили себе летние дома неподалёку, но даже осенью и зимой приезжали в гости к Бурлюкам. "В САСШ мы, живущие "в деревне" (*Хэмптон Бейз на Лонг-Айленде*, — прим. авт.), 3 часа езды от Нью-Йорка (авто или жел. дор.), имеем спокойные недели, но уже с пятницы (вечер), субб. и воскрес. Начинается наше присутствие горожан. Приезжают близкие художники, как, напр., вчера были оба брата Рафаил и Мозес Сойер и их семьи", — писал Бурлюк Никифорову 10 сентября 1958 года.

Братья-близнецы Мозес и Рафаэль Сойеры родились 25 декабря 1899 года в Борисоглебске Тамбовской губернии, в семье учителя еврейской истории и литературы Абрахама Шоара (Сойера). В семье было шестеро детей. Отец привил детям интерес к искусству, возил их в Москву, в Третьяковскую галерею. "Искусство и литература были ежедневными занятиями в нашем доме. Наш отец был писателем и учителем, и остальные члены семьи всегда были заняты творческой работой — сочинительством, рисованием, вышивкой", — писал в автобиографии Рафаэль Сойер.

В 1912 году вся семья эмигрировала в США, и после года, проведенного в Филадельфии, Сойеры окончательно поселились

в Нью-Йорке. Абрахам Сойер получил место преподавателя еврейской литературы в нью-йоркской иешиве (ныне Иешива университет), а братья Мозес, Рафаэль и младший Исаак решили посвятить свою жизнь искусству. Мозес и Рафаэль посещали сначала свободные вечерние занятия в художественной школе Coorper Union, некоторое время — в Национальной академии дизайнера в Нью-Йорке, затем — в художественной школе Образовательного альянса (Educational Alliance).

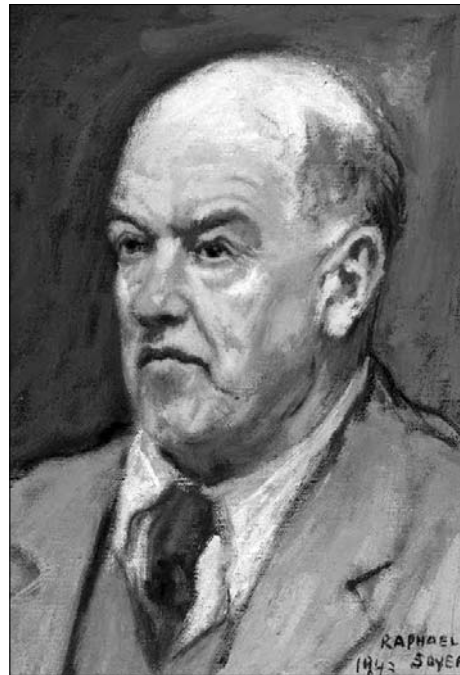
Рафаэль Сойер писал в автобиографии: "В 1919 году я поступил в Национальную академию дизайна, где я учился два или три года. За этим последовали несколько месяцев в студенческой Художественной лиге. После окончания Лиги я работал, чтобы заработать на жизнь, на нескольких фабриках и занимался живописью только в свободное время.

Когда я вспоминаю сейчас все эти годы, я с интересом для себя понимаю, что, как только я окончил Академию, я прикладывал большие усилия для того, чтобы забыть всё, чему меня там научили. И если мои одноклассники, бунтуя против обучения в Академии, попали под влияние Сезанна, Ван Гога и писали, как они, я действительно начал с самого начала и рисовал в открытой и почти наивной манере совершенно обычные вещи, которые были частью моего ежедневного существования (например, "Уроки танцев", разнообразные портреты моей матери, отца и членов семьи).

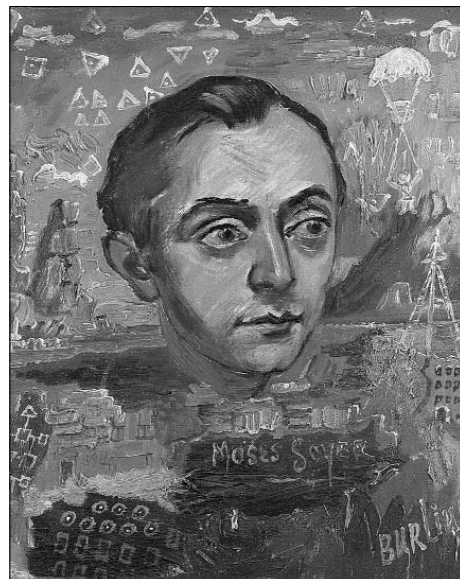
<...> Когда я оглядываюсь назад и оцениваю свои работы настолько объективно, насколько я могу это делать, я вижу, что следовал единому определённом стилю. Это изображения той жизни, которую я знаю. Я обнаружил, что никогда не попадал под влияние "инноваций" — кубизма, или абстракции, или любых эстетических спекуляций в подобной манере. Влияние на мои работы оказывали, скорее, их тема, содержание и настроение. Я думаю, что я последовательно придерживался в своих работах искреннего взгляда и честной техники".

Оба брата работали в реалистической манере. Мозес писал портреты, натюрморты, ню, исполнял литографии. Провёл ряд персональных выставок в нью-йоркских галереях "New Art Circle" (1928), "Macbeth" (1939, 1940, 1943) и ACA Gallery. (1945, 1947, 1956), участвовал в групповых выставках, был членом Национальной академии дизайна и Американского института искусств и словесности. Его работы представлены во многих американских музеях, в том числе — в Музее американского искусства Уитни в Нью-Йорке.

Рафаэль помимо семейных портретов и портретов друзей (Арчил Горки (1940), Уильям Гроппер (1941), Генри Мур (1962),

Рафаэл Сойер. Портрет Давида Бурлюка. 1943 г.

Давид Бурлюк. Портрет Мозеса Сойера.

Осип Цадкин (1963), групповые портреты: "Художники и модели" (Н. Циковский, М. Сойер, Д.Д. Бурлюк, Х. Грос; 1948) и другие) писал сцены из жизни городских окраин и рабочих кварталов Нью-Йорка, в 40-х, отойдя от социальной тематики, писал ню, психологические сцены, занимался литографией и офортом. С 1932 года ежегодно

Братья Сойеры

Посвящается Мозесу Сойеру, моему прекрасному другу.

Читано на его чествовании
в Арт Аллайенс, Н.Й, в мае 1941.

1.

В степях пустых
Вблизи Тамбова
Семейство Сойеров жило;
Мычала русская корова,
Мукою белою цвело
Борисоглебское село.

2.

Известны царские "достатки"
И угнетенья злой почин —
В итоге: скорбные заплатки
Нуждой отмечен ряд годин,
Жандарм где полный господин.

3.

Река Хопер, река Ворона
Блуждают там среди ~~отеней~~ дубрав,
И розотучи небосклона
Несут свой дождевой устав
Для радостных цветов и трав.

4.

Сестрицы две, четыре брата

у Сойеров жило в дому,
Перебиваясь небогато,
Переноса округи тьму,
Чтя верность клану своему...

5.

О детство, золотое детство!
Купанья частые в реке,
Что волновалась в соседстве,
Качая грёзы в челноке,
В бездумьи летнем, налегке...

6.

И Рафаил, и старший, Мозес,
Уже тогда в тетрадь души
Умели занести те грёзы,
Что постигаем мы в тиши,
Растущей в сладостной глуши.

7.

Вот вечер... На столе клеёнка,
Где свет бросает керосин...
На ней так вдохновенье чётко,
Взнеслись Манхаттан и Бруклин,
Где неизвестен русский сплин.

8.

И среди домов многоэтажка,
Фантазы неизвестных стран,
Взносилось чудо авантажко:

Бруклинский мост свой тяжкий стан
Наружил сквозь морской туман.

9.

Мост этот был великий символ
Для братьев Сойеров всегда:
Мечтой стальной несокрушимо
Вязал чужие берега...
Там ступит, ступит их нога!

10.

Как часто в свете отчей лампы
Шли братья наши через мост
В мечтах о Новосвете ramпы,
Чтоб новой славе молвить тост,
Забыв монархии погост.

11.

Мечты душе необходимы...
Мечтать мы все всегда должны...
Они надежд несокрушимых
В реальность обращают сны
Первичных наших дней весны!

12.

Свершилось чудо! Перемена!
Заокеанский переезд
Семейства Сойеров по пене
В волнах под флаг полос и звезд,
Тамбовский бросивши насест.

13.

В котле Америки "грингорны"
Глотают мутную волну...

Здесь путь долларов не проторен...
В эксплуатации плену
Едва пришлось не утонуть!

14.

Да! Здесь, в стенах
Родных Альянса,
Где много лет тому назад
Стихи свои, как ныне, рьяно
Читать был вдохновенно рад,
Получен ими был заряд
Тогда огня любви к искусству,
Что вслед затем сквозь горы лет,
Наперекор всему паскудству
Несёт творец... Тот вечный свет,
Которому сравнения нет!

15.

Несёт художник свои кисти,
Как рыцарь шпагу и копьё,
Не поддаваясь корысти,
Чтя достижение своё,
Где вдохновение поёт.

16.

Творец всегда с братвой беднячества!
Он с тем, кто презрен, угнетен...
Страдальцами заводит братство...
Ему изломов ~~своей поклон~~ странных склон
Дарит колумбово поклон.

17.

И в этот раз я рад приветить
Героев этих звучных строф

проводил персональные выставки, участвовал в больших ежегодных и двухгодичных выставках в Музее американского искусства Уитни, Института Карнеги, Художественного института Чикаго, художественной галереи "Gorogari", Национальной академии рисунка и Пенсильванской академии искусств. С 1930-го преподавал искусство в учебных заведениях и студиях Нью-Йорка; был избран действительным членом Национальной академии дизайна (1951) и Американского института искусств и словесности (1958). Его работы представлены сегодня в музее Метрополитен, Музее современного искусства в Нью-Йорке и других музеях США.

Работы братьев Сойеров экспонировались в 2008 — 2009 годах в Государственном Русском музее и Государственной Третьяковской галерее — на выставке "Американские художники из Российской империи".

Все три брата похоронены на небольшом еврейском кладбище "Asacia" в Нью-Йорке.

А что же поэма Бурлюка, о которой Давид Давидович упоминает в своих письмах Никифорову? О ней также пишут во множестве других источников и даже энциклопедий — в статьях о братьях Сойерах. Она так и не была опубликована, как целый ряд других поэтических и прозаических произведений Бурлюка. Судя по всему, не попала она и к Никифорову — в противном случае она наверняка вошла бы в книгу "Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова", вышедшую в 2011 году в Тамбове — именно в ней собрана вся корреспонденция Давида и Маруси Бурлюковых и Николая Алексеевича Никифорова.

Я задался целью разыскать поэму. Очевидно, найти её возможно было лишь в Америке — в архиве Бурлюка в университете Сиракуз либо других архивах. Но удача улыбнулась мне не в архиве Бурлюка, а в архиве... Мозеса Сойера. Это логично — рукопись была подарена Бурлюком имениннику сразу после публичного прочтения. Архивы американского искусства, собранные в Смитсоновском институте, дают поистине исчерпывающую информацию для исследователя.

Особый интерес представляют исправления — очевидно, поэма рождалась экспромтом непосредственно перед событием. И всё же она представляет собой не только биографический, но и литературный интерес. В русской поэзии обычно применяется строфа, состоящая из четырёх строк. В поэме "Братья Сойеры" Давид Бурлюк применил новую форму строфы — пятистрочие. Возможно, он и являлся её изобретателем. Интересно мнение об этом профессиональных литературоведов.

Приятно, что первая публикация поэмы Давида Бурлюка происходит именно в Одессе — ведь именно в нашем городе Давид Давидович Бурлюк стал дипломированным художником, окончив в 1911 году живописное отделение Одесского художественного училища по II разряду и получив диплом учителя чистописания и рисования.

В кругу друзей, сердцах оправе,
Увидя в сём пииты долг,
Попавши в глаз, минув бровь.

18.

Прекрасный Мозес, чьи картины
Америку к себе влекут,
Как колоритные куртины:
Разлечься там, усесться тут,
Найдя глазам почёт — уют.

19.

Мне, русскому-американцу,
Вдвойне почётно: голос мой,
Моих стихов рифмезный танец
Постигнет ум учёный твой,
И мой язык — тебе родной!

20.

Поэт блистает своей песней;
Ты — симфонический закат —
Тебе разлив палитры тесен...
Ты краской, формами богат,
Мой Мозес, славный муз собрат...

21.

Ты победил! Дари цветами
Своей алмазющей тропы!
Ты оценён уже веками
Во имя славной той борьбы,
Где Геркулесовы столбы.

David Burluk.

Александр БИРШТЕЙН Болеет парус одинокий

А давайте-ка, друзья-читатели, друг другу вопросы задавать! Или загадки. Как у кого получится. Только я первый, ладно?

Такой вот у меня вопрос имеется:

— Почему это Валентин Катаев назвал свою повесть именно так — "Белеет парус одинокий"? Почему именно эти лермонтовские строки его привлекли?

Видите, я даже не спрашиваю: любите ли вы эту повесть? Читали ли ее? Уверен, что да! И так? Времени вроде прошло прилично, а ответа я не дождался. Стесняйтесь? Тогда попробую сам. Но учтите, это не более чем версия.

Что такое белый парус в море? О, это свобода, это романтика, это простор и соленый ветер. Но! Парус-то у нас одинокий! Он один, единичен, одинок, он единственный, наконец. Как глоток свободы...

Теперь давайте вспомним, когда написана повесть. 1936-й год. Иллюзий давно не осталось. Тем более — после поездки на Волгодон. Кто-то из коллег арестован, кто-то, как добрый и талантливейший Осип Мандельштам, сослан.

Так что надо было написать, причем срочно, что-то революционное. Вдруг да поспешествует. А родной город предоставляет для этого широкие возможности. Броненосец "Потемкин", революция 1905 года... Все это Одесса! Чего лучше! Опять же: можно взять эпизоды из собственного детства. Так Валя Катаев стал Петей Бачеем, а Женя Катаев (Петров) — Павликом.

— А Гаврик? — дорветесь и вы до вопроса.

Отвечаю:

— Гаврик — это имя, произведенное автором из другого, близкого по звучанию. С легкой руки — или не очень легкой! — Виктора Гюго каждая теперь революция обзаводится своим Гаврошем. Гаврик... Гаврош... Похоже, правда? Смею предположить, что Гаврика ждала судьба, аналогичная судьбе Гавроша. Но... Рано или поздно герои наши любимые становятся сильнее нас, и... Убил все-таки парочку большевиков — с удовольствием? — дедушку Гаврика и Терентия. Принес, так сказать, жертву.

Но я забежал вперед.

А сейчас вернусь к себе 6 — 7-летнему. Именно тогда попала мне в руки эта книжка. О, я всерьез готовился стать пионером и книги о революции глотал только так. А тут и революция, и любимая Одесса! Не книга — сокровище!

Я был мал тогда и, конечно, не заметил, что автор, процитировав первую строфу стихотворения М.Ю. Лермонтова, тут же, буквально через абзац, употребил эпитет "одиноким" по отношению к "Потемкину".

"На всем же остальном своем громадном пространстве море светилось такой нежной, такой грустной голубиной августовской штиля, что невозможно было не вспомнить:

Белеет парус одинокий

В тумане моря голубом...

...Несколько раз, таинственный и одинокий, появлялся мятежный броненосец на горизонте в виду бессарабских берегов..."

Да и как-то унизительно сам броненосец показан...

"...шла назад из Констанцы в Севастополь черноморская эскадра, таща на буксире, как на аркане, схваченного мятежника..."

А тогда... Скучновато все начиналось. Мальчик Петя Бачей, возвращаясь в Одессу из-под Аккермана, где летом жил на даче, становится свидетелем того, как множество солдат, жандармов, полицейских и даже один специально обученный сыщик ловят матроса с броненосца "Потемкин". Правда, портрет этого матроса, даваемый Катаевым, не очень убеждает в необходимости таких поисков. Судите сами.

"...Это был коренастый человек с молодым, бледным от испуга лицом и карирами не то веселыми, не то насмерть испуганными глазами..."

Грозная сила, правда?

Это еще что! В конце повести автор дает другой портрет Родиона Жукова, а это о нем идет речь. Я приведу его в свое время так же, как и портреты других большевиков. И вы поймете, как любил Катаев этих своих героев.

Но мальчик Петя приезжает в Одессу. К себе домой на Канатную угол Куликова поля.

Естественно, в Одессу переносится и действие повести. И сразу читать становится необыкновенно интересно! Потому что Люстдорф, Дача Ковалевского, Фонтан, Аркадия, Отрада, Ланжерон.

"...Большой Фонтан, Средний Фонтан, Малый Фонтан, высокие обрывистые берега, поросшие дерезой, шиповником, сиренью, боярышником.

В воде под берегом — скалы, до половины зеленые от тины, и на этих скалах — рыболовы с бамбуковыми удочками и купальщики.

А вот и "Аркадия", ресторан на сваях, раковина для оркестра — издали маленькая, не боль-

ше суфлерской будки, — разноцветные зонтики, скатерти, по которым бежит свежий ветер.

Все эти подробности возникали перед глазами мальчика, одна другой свежее, одна другой интереснее. Но они не были забыты. Нет! Их ни за что нельзя было забыть, как нельзя было забыть свое имя..."

Потому что Потемкинская (в будущем!) лестница, Дюк, Куликово поле, "Привоз", Канатная, вокзал, Ближние Мельницы, Ришельевская, Екатерининская...

Потому что... Да что там — главным героем книги становится дивный город, в котором живут эти замечательные Петя и Гаврик, город, наименее подверженный сословным различиям, питающий и вдохновляющий дружбу двух мальчишек.

А революция? Фон, мрачный, неприятный фон. Судите сами.

"...Несколько человек, среди которых Петя узнал высокую, страшно худую фигуру Синичкина, приправ к подоконникам высаженных окон, часто стреляли вниз из револьверов.

Петя увидел перевязанную голову Терентия и барашковый воротник матроса. Мелькали еще какая-то черная косматая бурка и студенческая фуражка.

И все это плыло и тонulo в синеватых волокнах дыма.

Матрос стоял на одном колене у подоконника, на котором лежала стальная тумбочка, и минутно высовывал наружу дергающуюся от выстрела руку. Он кричал бешеным голосом:

— Огонь! Огонь! Огонь!

И среди всего этого движения, беспорядка, суеты, дыма лишь один человек — с желтым, равнодушным, восковым лицом и черной дыркой над закрытым глазом — был совершенно спокоен.

Он неудобно лежал поперек комнаты, лицом вверх, на полу, среди пустых обойм и гильз..."

Справедливости ради надобно сказать, что правители и те, кто с ними рядом, давали основания для ненависти и сопротивления.

"...Иду по Французскому бульвару и глазам своим не верю.

Великолепнейший выезд, рысаки в серых яблоках, ландо, на козлах кучер-солдат в белых перчатках, шум, гром, блеск... Две дамы в белых косынках с красными крестами, в бархатных собольих ротондах, на пальцах вот такие брильянты, лорнеты, брови намазаны, глаза блестят от белладонны, и напротив два шикарных адыютанта с зеркальными саблями, с папиросами в белых зубах. Хохот, веселье... И, как бы вы думали, кто? Мадам Каульбарс с дочерью и поклонниками татит в Аркадию, в то время когда Россия буквально истекает кровью и слезами! Ну, что вы скажете? Нет, вы только подумайте — вот такие брильянты! А, позвольте спросить, откуда? Наворовали, награбили, набрали карманы..."

Кстати, если заметили, мало что изменилось. Все те же семьи высших чинов, все тот же Французский бульвар... Разве что вместо конных выездов престижные иномарки.

И еще. Катаев впервые в советской и, наверное, в мировой литературе, в разгар ежовщины, между прочим, показал еврейский погром во всей его мерзости, жестокости и беспощадности. Мне возражат, что о погромах писали И. Бабель, И. Уткин, К. Паустовский. Да, конечно. Но они только упоминали, а Катаев описал погром подробно и беспощадно.

"...Из толпы выбежала большая, усатая, накрест перевязанная двумя платками женщина с багрово-синими щеками. Ее выпуклые черные глаза цвета винограда "изабелла" были люто и решительно устремлены на окна. (...)

— А, жидовские морды! — закричала она пронзительно, привозным голосом. — Попрятались? Ничего, мы вас сейчас найдем! Православные люди, выставляйте иконы!

С этими словами она подобрала спереди юбку и решительно перебежала улицу, выбрав на ходу большой голыш из кучи, приготовленной для ремонта мостовой.

Следом за ней из толпы вышло человек двадцать чубатых длинноруких молодцов с трехцветными бантиками на пальто и поддевах. Они не торопясь один за другим перешли улицу мимо кучи камней, и каждый, проходя, наклонялся глубоко и проворно.

Когда прошел последний, на месте кучи оказалась совершенно гладкая земля.

Наступила мертвая тишина. Теперь часы уже не щелкали, а стреляли, и в окнах были вставлены черные стекла.

(...)

Тишина продолжалась еще одно невыносимое мгновение и рухнула. Где-то внизу бацнул в стекло первый камень. И тогда шквал обрушился на дом. На тротуар полетели стекла. ...

Вся озверевшая толпа со свистом и гиканьем окружила дом. Портрет в золотой раме с коронкой косо поднимался то здесь, то там. Казалось, что офицер в эполетах и голубой ленте через плечо, окруженный хоругвями, все время встает

на цыпочки, желая заглянуть через головы..."

Тоже, кстати, революционный фон. Более того, Катаев глазами своего прототипа Пети показал и отношение к этому мерзкому явлению.

"...Несколько дней после этого тротуар возле дома был усеян камнями, битым стеклом, обломками ящиков, растертыми шариками синьки, рисом, тряпками и всевозможной домашней рухлядью.

На полянке, в кустах, можно было вдруг найти альбом с фотографиями, бамбуковую этажерку, лампу или утюг.

Прохожие тщательно обходили эти обломки, как будто одно прикосновение к ним могло сделать человека причастным к погрому и запятнать на всю жизнь..."

Конечно, Валентин Катаев мастер. Ну, написал бы он, что ему, мягко говоря, не совсем нравится Терентий. Так зарубили бы рукопись еще на стадии первой редакции в Гослите. А Катаев просто дает портрет Терентия.

"...Выражение его сконфуженного конопатого лица, покрытого мельчайшими капельками пота, совсем не соответствовало атлетической фигуре. Насколько фигура была сильной и даже как бы грозной, настолько лицо казалось добродушным, почти бабьим..."

Хорош инсургент с бабьим лицом. Бр-р...

А сама революция как показана? Сожженные суда и эстакада в порту.

Кто их пожег? Пьяный революционный народ.

"...И вдруг Петя увидел торчащие из зеркальной воды трубу и две мачты. Они проплыли совсем близко от борта, черные, страшные, мертвые..."

Пассажиры, столпившиеся у борта, ахнули.

— Потопили пароход, — сказал кто-то тихо.

"Кто же потопил?" — хотел спросить мальчик, чувствуя ужас. Но тут же увидел еще более жуткое: железный скелет сгоревшего парохода, прислоненный к обуглившемуся причалу.

— Сожгли, — еще тише сказал тот же голос. (...)

...Но когда на железнодорожном переезде мальчик вдруг увидел сожженную дотла эстакаду, горы обугленных шпал, петли рельсов, повисших в воздухе, колеса опрокинутых вагонов, весь этот неподвижный хаос, он закричал, захлебываясь:

— Ой, что это? Посмотрите! Послушайте, извозчик, что это?

— Пожгли, — сказал извозчик таинственно и закачал головой в твердой касторовой шляпе, не то осуждая, не то одобряя..."

И еще, смотрите: царь даровал народу конституцию. Пусть несовершенно, пусть половинчатую, но конституцию! И... Вооруженное восстание. То есть какие-то люди с Жуковым и Терентием во главе из окна какой-то квартиры стреляют по солдатам. Возможно, даже по тем солдатам, которые кормили хлебом и кашей голодного Гаврика. Это еще что! Патроны для этой стрельбы несут им девятилетний Гаврик и восьмилетний Петя. Очень нравственные революционеры. Правда?

И ребята — герои. Только с точки зрения какой же это морали?

А потемкинец-матрос-большевик Жуков? Это тот, кто кинул бомбу в пристава. Прямо на улице. А сколько невинных людей пострадали при этом?

Катаев дает еще один портрет Жукова. Я долго издевательски смеялся, прочтя это:

"...Мало того, что на нем были кремовые брюки, зеленые носки и ослепительно-белые парусиновые туфли.

Мало того, что из кармана синего пиджака высовывался алый шелковый платок и в галстук рисунка "павлиний глаз" сверкала сапфировая подкова.

Мало того, что на груди коробком стояла крахмальная манишка, а щеки подпирал высокий крахмальный воротник с углами, отогнутыми, как у визитной карточки.

Наконец, мало того, что твердая соломенная шляпа "канотье" с полосатой лентой франтовски сидела на затылке..."

Вот и спрашивается: стоит ли спасение этого человека столько жизней? Дедушка Гаврика, например. А ведь при побеге Жукова из тюрьмы тоже жертвы были...

Боже, что творили эти Жуковы победившей революции!

Я не раз и не два читал, что настоящий Катаев начался с "Травы забвения", "Святого колдунца", "Волшебного рога..."...

Нетушки!

Настоящий Катаев был всегда!

И в "Сыне полка", и во "Время вперед"... Настоящий Катаев дал дорогу, привел к нам Аксенова и Гладиллина, Евтушенко и Ахмадулину, Вознесенского, и Окуджаву, и... очень многих из тех, кто и сейчас гордость русской литературы.

Настоящий Катаев подарил нам замечательную книгу о дивном городе, о бескрайнем море, о людях, оставшихся людьми, несмотря ни на что. И о дружбе детской — крепкой и настоящей.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ Скульптор Николай Блажков

Трудно объяснить, почему так получается, что в разговорах, статьях, даже книгах о художественной жизни Одессы чаще всего идет речь о живописцах. Из дореволюционных скульпторов хорошо помнят Б. Эдуардса, а довоенные мастера? Кто-то, натужившись, назовет П. Митковицера, чей "белый негр" врезался в память, но вряд ли продолжат, что Митковицер делал скульптуры для московского метро.

Мне же хочется напомнить о скульпторе Николае Васильевича Блажкове.

В пятидесятые — шестидесятые годы в Одесском дворце пионеров работали два кружка: изостудия, которую вел Юрий Николаевич Вольский, и скульптуры — под руководством Николая Васильевича Блажкова. Я бывал у Юрия Вольского, в те годы был бум интереса к детскому творчеству, а мальчики и девочки, которых учил Вольский, получали грамоты в Польше, Финляндии, Японии.

Несколько раз видел Николая Блажкова, но, увы, тогда не познакомился с ним. Интерес к этой незаурядной личности у меня возник в конце 60-х, когда в редакцию "Комсомольской искры" принесли фотографию скульптуры, установленной во дворе дома по Дерибасовской, 3.

Первое, что легко удалось установить: в этом доме находилась мастерская скульптора Блажкова. Его уже не было в живых, но соседи по дому не выбрасывали оставшуюся во дворе скульптуру, более того, установили на старый колодец, окружили вазонами, цветами.

Вот тогда-то я понял, что сутулый пожилой скульптор, которого я видел во Дворце пионеров, и мастер, о котором рассказывали жильцы дома по Дерибасовской, 3, одно и то же лицо.

Да, и сюда, в мастерскую в подвале, к нему ходили юные ученики.

Был он неразговорчив. Доброжелателен. Соседи знали, что воевал, попал в плен, затем из немецкого концлагеря — в советский.

Почему скульптура Лазаря Заменгофа? Но тут начинаются легенды.

Я был знаком с известным одесским эсперантистом С. Рублевым (он перевел на эсперанто басни Крылова) и Алексеем Вершининым, возглавлявшим до войны эсперанто-движение в СССР. И вот они мне рассказали, что Николай Блажков был эсперантистом с 20-х годов, был толстовцем, поэтому не участвовал в Гражданской войне, но на Великую Отечественную пошел солдатом. Плен. Концлагерь. Гулаг...

Вернулся в Одессу. И как только появились первые кружки эсперантистов при Доме ученых, начал туда ходить. В 1957 году в Одессу должны были приехать эсперантисты из Болгарии. Одеситы решили сделать им подарок — заказали Блажкову бюст Людвиг Лазаря Заменгофа, создателя языка эсперанто.

Далее версии расходятся. То ли Блажков сделал два бюста — для болгар и для себя. То ли один, но болгарские эсперантисты не смогли его увезти. И остался бюст Заменгофа в мастерской скульптора.

Я начал искать: кто же были ученики Блажкова?

Интернет дал незамедлительный ответ.

В автобиографии известный художник Евгений Сивоплясов указывает, что с 1958-го по 1961 год учился у скульптора Блажкова во Дворце пионеров.

Что еще сделал для Одессы Н.В. Блажков?

В газете "Знамя коммунизма" за 1957 год — заметка о том, что к 40-летию Октября в Детском парке Дворца пионеров, под Приморским бульваром, скульптор Н. Блажков и его ученики на 10-метровой стене вырубили барельеф булестника революции — Максима Горького.

В действительности не вырубали в стене, а сделали барельеф, который укрепили на стене. Он сохранился.

Продолжая виртуальные поиски, я установил, что в двух музеях (за пределами Одессы) есть работы Н.В. Блажкова.

В городе Старый Оскол есть музей удивительного человека — слепого писателя, ставшего знаменитым в Японии и России — В.Я. Ерошенко. Писал он свои произведения на эсперанто. Так вот, в его доме-музее хранится бюст Ерошенко работы Блажкова и его же барельефы.

В 1966 году под Звенигородом, перед домом-музеем Сергея Ивановича Танеева, был установлен бюст композитора работы Н.В. Блажкова. Важно отметить, что и С. Танеев был одним из пропагандистов эсперанто в России.

И еще немаловажная деталь. За почти полвека бюст композитора потребовал реставрации. Сотрудники музея нашли 15 правнуков (!) Н.В. Блажкова. Один из них взял на себя заботы по реставрации памятника.

Когда же впервые прозвучало в печати имя Н. Блажкова?

Пока мне удалось лишь найти эпизод за 1940 год. Тогда был объявлен конкурс на па-

мятник Котовскому для Кишинева. Третье место в конкурсе заняли скульпторы Н. Блажков и М. Абакумцев.

Остается еще много вопросов. Почему Блажков не состоял в Союзе художников? Есть ли в Одессе — хоть в фотографиях — его скульптурное наследие? Где учился художник? Сохранились ли его фотографии?

Но даже то, что мы уже знаем, дает возможность сказать, что в пятидесятые — шестидесятые годы в Одессе жил незаслуженно забытый мастер. Неизвестный Блажков становится известным скульптором.

P. S.

Эта статья уже была написана, когда журналист Евгений Волокин встретился с Галиной Михайловной Орел — директором Дворца пионеров в 1965 — 1971 годах.

Ее воспоминания открывают новые детали в биографии Н.В. Блажкова.

Я уже писал, что музей С. Танеева разыскал правнуков Блажкова. Сегодня мы знаем, что его жена Лидия Львовна также работала во Дворце пионеров, руководила кружком по изготовлению игрушек, в частности, елочных. С будущей женой Блажков познакомился в ссылке, в Магадане.

Мастерская Н.В. Блажкова находилась там, где раньше были Воронцовские конюшни. Дети его любили, и учеников у него было много. Но приходили к нему за советами и состоявшиеся скульпторы. Часто бывал Слава Голованов.

Забавная деталь. Партийное начальство возмущалось, что львы у Дворца бесхвостые. И скульптурный кружок регулярно лепил хвосты, а их так же регулярно горожане обламывали.

Условия жизни в подвале на Дерибасовской, 3 были ужасные. И вот два стрессовых события в жизни Н.В. Блажкова. К столетию Ленина, в 1970 году, ему дали памятную медаль — это власть чуть потеплела к бывшему репрессированному. А спустя месяцы выделили комнату в коммунальной квартире на Жуковского угол Ришельевской. Для него это означало, что к нему уже не относятся, как к "врагу народа".

Этих стрессов он не выдержал. И в 1971 году умер. Похоронили Блажкова на недавно открывшемся Таировском кладбище. Перед смертью скульптор сам сделал себе надгробие с надписью на языке эсперанто.

К сорокалетию Великой Октябрьской революции в детском парке Дворца пионеров Одессы на десятиметровой каменной стене скульптором Н. В. Блажковым создан монументальный барельеф головы молодого Максима Горького. Писателю было 23 года, когда он работал грузчиком в Одесском порту, в ознаменование чего и сделан этот памятник. Высота барельефа около трех метров, он хорошо виден с Приморской улицы и даже из пассажирского порта.

Во время работы скульптору активно помогали его ученики из кружков «юных скульпторов» Дворца пионеров: Коля Арзамасцев, Юра Волковинский, Валерик Востриков, Таня Вихрева, Толя Галинский, Ле-

Заметка в газете "Знамя коммунизма".

Открытие бюста Заменгофа во дворе дома № 3 по Дерибасовской улице. Н.В. Блажков крайний справа во втором ряду, в светлой рубашке.

Открытие бюста С.И. Танеева.

Н.В. Блажков в кабинете Лидии Львовны во Дворце пионеров на занятиях кружка эсперантистов.

Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ

Июль 2015: столица кино — Одесса

Когда в этот раз открывался шестой по счету Одесский международный кинофестиваль, мне вспомнился год 2010-й, когда большое кино только вступало в Одессу.

Сколько тогда по этому случаю было недоверия и скептицизма, сомнений и споров. Уж слишком быстро все закрутилось и стало неожиданностью для города, для одесситов. И приз-де не первичен, и монополия на Дюка никому не отдадим, и инициатива не одесская, от прилшых исходит. И не время. И не посове-товались ни с кем. И пройдет год-другой, за-глохнет все, как пить дать. А что самим бы ни-когда не потянуть фестиваль такого уровня и масштаба — дело было десятое.

Затем были новые упреки: как же так, кино-производство в Украине стоит, кинофабрики медленно умирают, а мы тут "фестивалими" и чужой кинопродукцией своего зрителя кормим, вместо того чтобы отечественное кино возрождать.

А год назад на устроителей кинофеста сы-пались другие обвинения: до кино ли теперь, когда в стране война, мобилизация, тысячи переселенцев и кризис? До фестивалей ли?

И, наверное, только упорство, стойкий ха-рактер и огромная вера основателя и лидера ОМКФ Виктории Тигипко в то, что без кино, без искусства, без культуры шансов выжить у города и у страны на порядок меньше, по-мogli фестивалю выстоять.

Теперь же, оглядываясь назад, нельзя не признать, что тот год основания ОМКФ был, оказывается, наиболее благополучным в плане культурных проектов, а небо над Украи-ной — еще мирным.

Но Одесский кинофестиваль не только устоял за эти годы, но и вырос, "возмужал", обрел статуйность и лицо, не уронив высо-кой планки, взятой на старте. И с каждым го-дом все ярче и достойнее украинские кине-матографисты представляют на фестивале национальный кинопродукт.

Как сложно в сегодняшних реалиях было не растерять достигнутое, не отказаться ни от одного из направлений работы ОМКФ, знает только его небольшая команда единомыш-ленников.

Вот и в этот раз вопреки кризисам, валют-ному курсу и сложной политической ситуации все девять дней фестиваля работали про-фессиональные секции киноиндустрии и ки-норынка, шло обучение учащих летней ки-ношколы, обсуждались кинопроекты, работа-ли мастер-классы. Мало того, в этом году был запущен новый проект: сценарный прак-тикум "Terrarium".

Но главное — это, конечно, кино. Зрители (их было, по подсчетам, в этом году около 120 ты-сяч) смогли посмотреть новинки мирового и отечественного кинематографа, которые на протяжении целого года тщательно отбирала селективная комиссия ОМКФ на ведущих ки-нофестивалях в Каннах, Берлине, Венеции.

Из 530 кинолент из 75 стран, поданных на участие в международный конкурсной програм-ме ОМКФ — 2015, было отобрано 12 фильмов, боровшихся за Гран-при — "Золотого Дюка": производства США, Великобритании, Израиля, Турции, России, Колумбии, Хорватии, Ирана, Франции, Дании и Украины. Два фильма укра-инского производства были представлены од-новременно в международном и национальном конкурсах ОМКФ. Это поэтическое кино "Песнь песней" украинско-немецкого режиссера Евы Нейман по мотивам одноименного рассказа Шолом-Алейхема и психологический триллер Анатолия Матешко "Плен". Всего же в наци-ональной конкурсной программе было пред-ставлено 24 фильма: 6 полнометражных и 18 короткометражных лент.

Как подчеркнули, представляя украинское кино на фестивале, организаторы конкурса, "украинские полные метры: каждый — на вес золота. Каждый — родной. Разрываясь между желанием найти пророков в своём Отечестве и собственной взыскательностью, мы всма-триваемся в каждый из них с пристрастием и надеждой". Это ли не достижение отече-ственного кинематографа, выживающего не благодаря, а вопреки в наши ох, какие непрот-стые времена? Такой же неожиданной радост-ью было видеть, как во время показа украин-ских короткометражек отнюдь не маленький синий зал фестивального центра "Родина" (516 мест) лопался от зрителей и не мог вмес-тить около сотни желающих попасть на кино-просмотр, даже сидя на ступеньках.

Наряду с конкурсными фильмами были еще звездные гала-премьеры, фестиваль фестивалей, украинская ретроспектива "Одесса в огне: оккупация/освобождение", ретроспектива фильмов классика ирландско-го национального кино Джима Шеридана. Все 9 дней — громкие показы, волнующие со-бытия, яркие имена.

Вопреки прогнозам удалось заполучить в Одессу мировых кинознаменитостей. Джим Шеридан, шестикратный номинант на премию

"Оскар" и обладатель многочисленных между-народных наград, лично открывал свою персо-нальную ретроспективу в рамках ОМКФ.

Президент Польской и член Европейской киноакадемий, создатель независимого кино в Польше и успешный продюсер Дариуш Яб-лонски в рамках летней киношколы провел ма-стер-класс для начинающих продюсеров и ре-жиссеров из Восточной Европы.

Прочитал лекцию известный американский режиссер и оscarовский номинант Даррен Аронофски, чей последний нашумевший фильм "Ной" только вышел на экраны. Он же представил в Одессе свою картину "Реквием по мечте", попавшую в список лучших миро-вых фильмов. Этот показ и ряд других кино-просмотров состоялся в импровизированном кинотеатре под открытым небом на Ланжеро-новском спуске, постоянной локации фести-валя, бесплатно для всех желающих.

А почетный гость кинофестиваля, директор Каннского МКФ и Института Люмьер Тьерри Фремо лично представил программу "Люмь-ер!" в честь 120-летия кинематографа. Альма-нах из 98 отреставрированных фильмов братьев Луи и Огюста Люмьеров, снятых на рубе-же XIX и XX столетий, был показан впервые по-сле каннской премьеры.

Залы фестивального дворца (театра музы-кальной комедии) и фестивального центра "Родина" все девять дней были под завязку за-полнены зрителями, как заполнены до отказа были в эти дни гостиницы и летние площадки кафе. Атмосфера кинопраздника вылилась на улицы, площади и скверы.

Девять дней одного года в Одессе. Они ста-ли незабываемыми и для жителей города, и для его гостей, для всех, кто так или иначе соприкоснулся с фестивалем, стал его зрите-лем или участником.

Наиболее впечатляющим был показ ореп-аи на Потемкинской лестнице эксперимен-тального фильма 1929 года одного из пионе-ров документального кино Дзиги Вертова "Человек с киноаппаратом". Урбанистичес-кий калейдоскоп без титров, сценария, без декораций и актеров, который посмотре-ли в этот вечер 15 тысяч зрителей ОМКФ, Вертов (Давид Кауфман) снимал вместе со своим братом кинооператором Михаилом Кауфманом на протяжении четырех лет на улицах Киева, Москвы и Одессы.

Воспринятая современниками как "киноху-лиганство", лента получила новое рождение в 60-е годы. А год назад, в 2014 году, "Человек с киноаппаратом" возглавил топ-50 докумен-тальных мировых шедевров по версии британ-ского журнала о кино "Sight and Sound".

Как уже принято, картина сопровождалась оркестровой музыкой. Но на этот раз пред-ставлять музыкальное оформление классиче-ского немого фильма взялся один из лучших авторов оригинальной музыки к произведениям мирового кино британский композитор Майкл Найман вместе со своим камерным оркестром "Майкл Найман бэнд".

Все 68 минут фильма музыка маэстро дер-жала зрителей в напряжении в соответствии с заданным жестким ритмом жизни большого города. Когда же ушли финальные кадры и зрители, аплодируя, собрались расходить-ся, на экране появился титр "... и вдруг...". Это и в самом деле был неожиданный ход. На уже было погасшем экране возникли легендар-ные кадры "Броненосца "Потемкин", снятые на Потемкинской лестнице, в неслыханном ранее музыкальном сопровождении оркес-тра Майкла Наймана. Впервые воочию увидев Потемкинскую лестницу в Одессе, Найман назвал ее "самой узнаваемой локацией ми-рового кинематографа" и сделал такой свое-образный подарок зрителям и городу. И Ле-стнице, ставшей мировой знаменитостью те-перь уже официально.

Ведь несколькими часами ранее, днем того же дня, гордости Одессы — Потемкинской ле-

стнице — был присвоен статус "Сокровище ев-ропейской кинокультуры". Установка памятно-го знака Европейской киноакадемии на одном из пролётов лестницы — факт знаменательный и исключительный. Это подчеркнули в своих выступлениях на торжественной церемонии член совета Европейской киноакадемии Марек Розенбаум и посол Великобритании в Украине Саймон Смит, немало поспособствовавший приезду в Одессу Майкла Наймана.

На церемонии открытия ОМКФ — 2015 бри-танский композитор и дирижер был отмечен первой наградой фестиваля: Найман получил из рук Виктории Тигипко "Золотого Дюка" "За вклад в киноискусство" и сыграл для зрителей несколько собственных композиций.

Фильм-открытие фестиваля — сюрреалис-тическая лента "Реальность" французского режиссера Квентина Дюпье — задал тон всей кинопрограмме ОМКФ — 2015, настроил на

то, что только предстояло увидеть. Зрителей, ожидавших от первого фильма фестиваля че-го-то легкого, радужного и красивого, ждало приключение, но совсем другого рода. Авто-ры фильма ведут зрителей за кулисы творче-ских процессов, незаметно вовлекая их в эти процессы, запутывают, предоставляя самим распутаться. И разобраться, насколько реален мир вокруг нас, сколько реальнос-тей он вмещает и в каком из параллельных миров мы проживаем. Авторы фильма зада-ются вопросом: где кончается реальность и начинаются сумерки разума, ведущего нас по глубоким лабиринтам подсознательного. Полагаться на логику бессмысленно. Но ког-да ты, кажется, окончательно запутываешься в закоулках фабулы "Реальности", все паззлы этой истории складываются сами собой к об-щей радости и героев, и зрителей.

"Реальность" изобилует натурализмом: сначала один из героев разделяет убитого на охоте зверя на глазах у ребенка. Потом этот ребенок коаляется во внутренностях это-го зверя, выброшенных в помойное ведро, чтобы найти невесту как туда попавшую кас-сету. Ведущий телевизионного шоу расчесы-вает то и дело несуществующую экзему. А главный герой в надежде получить деньги на фильм завывает на все лады в поисках са-мого душераздирающего крика в истории ки-но. У каждого персонажа фильма — свои та-ракань в голове, но, собственно, разве в ре-альной жизни это не так? Разве реальная жизнь только красива, легка и весела?

Так вот, если говорить о некой общей тен-денции, отличающей сегодняшнее кино, то это его натуралистичность. Мировой кинемато-граф, задуманный 120 лет назад как фабрика грез, грез этих лишился. Никаких "красивос-тей" и "украшательств" на экране, серьезное кино этих вольностей себе позволить не мо-жет, разве что коммерческое еще грешит.

Жестокий урок для зрителя стал кон-курсный украинский психологический трил-лер "Captum" ("Плен") режиссера Анатолия Матешко. Откровенно страшное кино, страш-ное своей будничностью. Война, плен, власть над пленными — и все разрешено, нет границ дозволенного. Вчерашний законопослушный гражданин трансформируется в зверя, учи-тель — в упыря, кровь и убийство становятся нормой, ценность человеческой жизни — пу-стым звуком.

Исполнитель главной роли Владимир Горя-нский, представлявший фильм, заметил: "Сей-час как будто норма — они там убивают, воюют, а у нас тут жизнь и всё, в общем, неплохо. Но нельзя привыкать к войне. И нельзя молчать о том, что сегодня происходит. Нужно гово-рить, нужно писать, нужно снимать фильмы".

Еще две ленты на военную тему. Первая — "Сын Саула" венгерского режиссера Ласло Немеша: о зондеркоманде в Освенциме. Не-мыслимая по жестокости история об узниках концлагеря, вынужденных участвовать в мас-совом уничтожении нацистами заключенных.

Крепкие молодые еврейские мужчины делают черную страшную работу в крематории, зная, что и их поздней ждет та же участь. Но и в этих нечеловеческих условиях есть место челове-ческим чувствам — состраданию и мужеству.

Герои ленты "Зенит" хорватского режиссера Далибора Матанича — жители двух балкан-ских сел, живущие под гнетом прошлого; вой-на оставила неизгладимые раны в их сердцах и душах. Но, преодолевая проблемы межэтни-ческих конфликтов и враждебности, они сле-дуют зову сердца. Вечная история любви и не-нависти, со времен Ромео и Джульетты.

Мрачны оказались и фильмы, развивающие тему суицида: датская лента "Бридженд" Йе-ппе Ронде о целой серии самоубийств подрост-ков в провинции Уэльса, где лет 30 назад за-крыли угольные шахты, что привело к тоталь-ному упадку; и "Убрать из друзей" режиссера Лео Габриадзе о том, как общение в социаль-ных сетях превращается в кошмар с предска-зуемым страшным концом всех участников этой полуторачасовой "скайп-конференции".

Станный, доведенный до абсурда мир в недалеком будущем представил греческий режиссер Йоргас Лантимос, которого можно заслуженно назвать последователем Луиса Бюнуэля. Правила жизни Города будущего, о котором повествуют создатели ленты, обескураживают: в тоталитарном обществе нет места одиноким, разведенным или овдо-вевшим людям. Их отлавливают, помещают в Отель и дают срок — 45 дней, в течение ко-торого они должны обзавестись парой. В противном случае их превратят в животных, правда, на собственный выбор, и отправят в Лес. Выбор главного героя пал на... лобсте-ра — живет долго и размножается до конца жизни. Чего уж там: подводная жизнь мор-ского жителя кажется куда выигрышней этого регламентированного до мельчайших дета-лей откровенного и шокирующего мира лю-дей, где членовредительство — рядовой эпи-зод. Пробуждая в нем и вкусив сей кинема-тографический изыск, зрители с удовольст-вием возвращаются в привычную реку жизни.

Свежий срез представленных кинолент по-казывает — отдохнуть в кино нам не удастся, не этого от нас хотят авторы кинолент. Фильмы преимущественно мрачного содержания бу-доражат и тревожат. Но оттого, возможно, нам более близки простые и трогательные исто-рии, в которых есть место любви, дружбе, тро-гательным человеческим отношениям, на ко-торых и держится наш такой хрупкий мир. Именно такой фильм — "Ан" японского режис-сера Наоми Кавасае — припасли на закрытие организаторы фестиваля. Его представляли исполнительница главной роли, как ее пред-ставили на вечеру — "японское национальное достояние", 72-летняя Кири Кики, специаль-но прилетевшая по этому случаю в Одессу, и киновед Дуреан Сукегава.

Таковыми же соображениями, видимо, руко-водствовались и жюри фестиваля, междуна-родное и национальное, единодушно отдав го-лоса одному (неслыханное дело!) фильму. Ук-раинская лента "Песнь песней" немецко-укра-инского режиссера Евы Нейман получила сразу два "Золотых Дюка" — в номинациях "Луч-ший украинский фильм" и "Лучший фильм международной программы" по версии жюри.

Трогательная история любви двух подро-стков в еврейском местечке в начале прошлого века и прекрасная операторская работа ни-кого не оставили равнодушным.

А зрители путем голосования единодушно присудили гран-при фестиваля дебютной картине турецкого режиссера Дениз Гамзе Эргювен "Мустанг". Эта же лента получила приз за лучшую режиссуру. Зрительские сим-патии были на стороне пяти сестричек-под-ростков, которых после смерти родителей увозят в деревню на севере Турции и воспи-тывают дядя и бабушка. Судьба девочек за-ранее предreshена. Что выходит из их стре-мления жить в мире без предрассудков в усло-виях традиционного уклада жизни, и пред-стояло узнать зрителям.

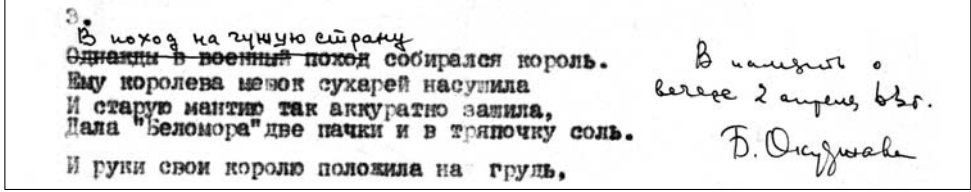
На церемонии закрытия еще одного "Золо-того Дюка" за вклад в киноискусство автор самого титулованного украинского фильма "Племя" Мирослав Слобошпицкий вручил американскому режиссеру Даррену Ароноф-ски. Поднявшись на сцену, почетный гость ОМКФ — 2015 не без удовольствия заметил: "Теперь, когда я получил приз за вклад в кине-матограф, я уйду на пенсию, перееду в Одес-су, куплю дом на пляже и буду устраивать ве-черинки следующие 40 лет. У вас прекрасные страна и город, и я счастлив, что у меня есть украинские корни". Что ж, если титулованный кинематографист с берегов Гудзона мечтает, как некогда мечтал Исаак Бабель, провести остаток дней, греясь на солнышке в Одессе, это лишь подтверждает, что идея с кинофес-тивалем на берегу Черного моря была очень даже верной и еще долго будет приносить нам свои плоды.

Сергей КАЛМЫКОВ Вокруг Окуджавы

Что я могу добавить в мозаику сведений об Окуджаве? Давние впечатления о двух встречах. Пожалуй, это была ранняя осень 1962 года, но допускаю, что весна следующего. Во всяком случае, был теплый день, когда я услышал, что в детской библиотеке им. Крупской тогда-то, в таком-то часу, будет выступать сам Окуджава. Приходится сознаться, что прежде я не был знаком ни со стихами его, ни с песнями. Домашние магнитофоны были особой редкостью, не было этого чуда и у нас. Но в библиотеку на верхнем этаже серого здания (ул. Советской Армии угол Ярославского) я приходил еще в школьные времена. На лестничной площадке, у запертой двустворчатой двери, растерянно томилась дюжина молодых людей. Наступало назначенное время выступления, однако дверь не открывалась. На стук выглянул молодой милиционер — хмуро посоветовал не шуметь и не нарываться на неприятности. И все же мы успели увидеть, что внешнюю дверь, перед которой все нерешительно топтались, удерживает проткнутой наискось через тамбур длинный крюк. И это могучее устройство чудом оставляло между дверными створками щель шириною пальца в два. Далее сработали смекалка и дерзость. Слева нажали, справа оттянули и с болью протиснувшая в щель рука стала нащупывать крюк... И вот желанный результат: лязг, стук, и мы влетели в библиотеку. Милиционер растерянно дернулся, а Булат Шалвович был удивлен, но попросил быстро и тихо разместиться среди столов читального зала. Затем его рассказ был продолжен. Вот что удалось извлечь из памяти:

— На полную неизвестность мне жаловаться не приходится. Есть такой фильм "Цепная реакция", и там я пою "Полночный троллейбус". Хотя мои стихи звучат преимущественно с магнитофонной ленты, зато осуждают их печатно, следовательно, они известны даже в высоких кругах и раздражают начальство.

— Критикуют немало, но неумело. Меня в какой-то степени защищает от настоящих неприятностей то, что я фронтовик и коммунист.

— Не раз слышал, причем с осуждением, что я пацифист. Но я прошел войну и насытился ею сполна.

— Часто спрашивают: "Почему вы пишете грустные песни?" Предлагаю: желаете чего повеселее — читайте и слушайте Долматовского.

— Я, конечно, не композитор, и то, что сейчас собираюсь исполнить под гитару, вовсе не песни. Просто в какой-то момент я понял, что мои стихи просятся звучать под музыку. Меня научили двум-трем примитивным аккордам, и вам это предстоит услышать.

И Б.Ш. взял гитару. Были исполнены "Голубой шарик", "Вы слышите, грохочут сапоги", "Веселый барабаниш", "Всю ночь кричали петухи", "Черный кот", "Баллада о дураках", "Бумажный солдатик", "Песенка об открытой двери", "Возвращение короля" (слова "Дала Беломора" две пачки и "Покрепче их бей, а не то прослышешь пацифистом" вызвали смех). Впечатление от встречи с Б.Ш. было небывалым. Ни пафоса, ни фанфар, ни призывов, свойственных советским песням. Никакого уныния не было, но строки пронизывала светлая грусть, они волновали искренностью и доверительностью, рождали понимание, созвучные чувства. Казалось, что я становлюсь другим, более отзывчивым, более человеческим. Рождались и формировались кристаллы нового мировоззрения.

Следующая встреча с Окуджавой датируется документально. 2 апреля 1963 года он выступал в зале ОИИМФА. Народу было много, но зал был радиодиффизирован, слышимость была отличной. Поговаривали, что запись вы-

ступления затем поступила в партком. Не исключено, что и выше.

Как правило, моё запоминание прямо связано с новизной впечатления, с возникающим чувством удивления. И на этой встрече сверх уже слышанных в библиотеке песен ново, красиво и мелодично прозвучали "На Смоленской дороге", "Надежды маленький оркестрик", "Простите пехоте", "До свидания, мальчики". Отвечал Б.Ш. и на записки, временами не скупясь на иронию.

— Недавно на очень высоком совещании сам тов. Ильичев сказал, что мои стихи и песни находятся в конфликте со всем строем нашей жизни, что вся их интонация идет от душевного надлома, а если они нравятся определенной части молодежи, то интересно, какой и с какими вкусами? Я очень благодарен молодежи, но не референтам тов. Ильичева, которые эту критику поместили в раздел его выступления, касающийся творчества советских композиторов.

После концерта-встречи я попросил у Б.Ш. автограф на нескольких самиздатовских листах. Он подправил одну строчку и четко написал: "В память о вечере 2 апреля, 63 г. Б. Окуджава". Еще он сфотографировался с небольшой группой молодежи, и впоследствии я с досадой увидел эту карточку с дико контрастными, едва распознаваемыми лицами. Непростая слова "любительское фото" иногда произносятся с извиняющейся интонацией...

Несколько человек сопровождали Б.Ш. по городу. Были и рассказы, и вопросы.

- Как Вам поэт Фирсов?
- О, этот, безусловно, знает, чего хочет.
- Выйдет ли книжка Ваших стихов?
- Не предвидится до тех пор, пока будут печатать Грибачева.

Вот фраза Б.Ш. о Владимире Солоухине:
— По первому впечатлению — крупный, открытый, доброжелательный. Ну, прямо богатырь (Б.Ш. не продолжил).

Рассказывая о Булате Окуджаве, просто обязан процитировать два фрагмента переписки давних-предавних приятелей, бывших студентов ОИИМФА.

Георгий Гергя — Юрию Калмыкову.
"Помнишь? Это же ты организовывал. А я помогал. Профком выделил деньги, и мы купили Б.Ш. в подарок морской бинокль. Секретарь парткома института И.Е. Крук, в общем, неплохой человек, на следующий день негодовал именно по поводу "пацифистской направленности" выступления и песен. А летом 1997 г. я ремонтировал пароход в Шанхае и после работы 12-го, нет, скорее, 13 июня смотрел новости по CNN. Тут и узнал, что в Париже умер Окуджава. Для меня мир опустел. Через пару дней суперинтендант пригласил командиров в ресторан... и под конец, когда разговоры истощились и в ресторане остались только мы, я запел песни Окуджавы. Ребята подпевали, китайская обслуга вывалила в зал слушать, а я пел и плакал..."

Юрий Калмыков — Георгию Гергя.
"...Мы услышали о его кончине в Париже почти на бегу, в суе сборов в дальнюю дорогу. Я с командой отправлялся на Таймыр, где нас ждала работа, то самое незакатное полярное солнце и противные крики чаек, дерущихся за отбросы на помойке всю так называемую ночь. Но пластинки успели послушать".

...Многие годы само присутствие этого человека на Земле было многозначительным фактом собственной биографии. Да и остается, впрочем; почему "было"? Биографии, конечно, не внешне-документальной, а потаенной, глубоко запрятанной, единственно что-то значащей — главной.

...Многие годы корю себя за то, что не хватило ума в свое время начать вести пусть не дневник даже (куда уж там!), но хотя бы записную книжку. Хотя бы с простой и краткой фиксацией событий, ситуаций, драгоценных сведений, бесценных фраз... Ведь столько послала судьба уникальных встреч и замечательных хитросплетений обстоятельств... Спасибо тебе. Как хорошо, что сохранилось еще трошки мужчин, способных плакать и умеющих рассказать об этом через много лет.

Жанна ЖАРОВА Одесский цикл

Я этот город знаю наизусть —
Его дома, бульвары, мостовые,
Его туманов призрачную грусть...

Но каждый раз люблюсь, как впервые,
Пустынным пляжем в предзакатный час,
Где только чайки носятся шальные.

Как скряга, собираю про запас
И бережно храню в души копилке
Все мелочи, что так важны подчас.

Я их отправлю в плаванье в бутылке
По воле волн рифмованных, и пусть
Ее найдет читатель мой случайный,
Как лишь ему доверенную тайну
О городе, что знаю наизусть.

Пляж

И зной полуденный, и плеск веселых волн,
И звонкий гомон детворы на пляже,
И рифмы наплывают: "быстрый челн",
И "летний день струится, негой полн"...
Но это все — архаика, и даже
Немного плагиат. Одесские пейзажи
По-современному сегодня говорят:
Вот парашюты в воздухе парят,
Виндсерфинга скользит веселый парус,
И дельтаплана легкое крыло
На струи восходящие легло
И облаков распарывает гарус.

На водных лыжах юный полубог,
Два полукружья пенные вздымая,
Как крылья ангела, за катером летит.
А прочий пляжный люд на берегу сидит
И, объявляя по радио внимаю
(Ни слова, впрочем, в них не понимая),
В неразберихе тел, голов и ног

Дитя чужое безуспешно кличет,
Что тут же где-то безудешно хнычет —
Но в общем говоре

не слышен детский писк.
А день все длится,
и слепящий солнца диск.

Меж тем лениво катится к закату.
И мамы отыскались, и ребята,
И, за руки держась, идут домой.
Пустеет пляж. И стих беспечный мой,
Как этот день, что завтра канет в Лету,
Кончается. Но длится лето...

У месяцев — мужские имена.
А между тем ведь трем четвертым года —
будь осень то, зима или весна —
суть женская назначена природой
и русским языком. И лишь одно
иначе лето определено.
Оно — "оно". И в нем двойное дно:
мужское в нем и женское начало.
Оно пьянит, как терпкое вино,
заметим здесь, что и вино — "оно",
и море — тоже: в нем песок и скалы,
волна и берег, лодки и причалы...
Но возвратимся к лету. Пригуби
и — пей его до дна. И — полюби! —
его жару и зной, шальные ночи,
хмельные дни и пьяную волну,
его ветров звенящую струну,
когда прибой смеется и грохочет,
и — штиля неожиданный покой...
Продли его неспешною строкой —
ведь лето тоже уходить не хочет.
Но времени неумолимый ход
его торопит. Осень в свой черед
заплачет ливнями, потом зима завьюжит...
Дожди и слякоть, гололед и стужа —
три месяца и три, но это все не в счет, —
и лишь весна гонцов своих пошлет

за новым летом, и начнем сначала
счастливых летних месяцев отсчет:
июнь, июль и август...
Жаль, что мало.

Парадная

Вот двор. Парадная. Витраж.
Истертой лестницы ступени
Ведут — за этажом этаж —
На самый верх, где свет и тени
Пространство делят пополам,
Где облупилась штукатурка
И по углам скопился хлам:
Стакан граненый, два окурка.
Один в помиде...
Вот сейчас
Возможен поворот сюжета.
Здесь начинается рассказ
Или кончается?
Об этом
Я не узнаю никогда.
Да и к чему мне чьи-то тайны?
Ведь заглянула я сюда,
По правде говоря, случайно:
Спонтанный памяти вираж,
Где витража цветные тени,
Как детства тающий мираж,
Плывут над мрамором ступеней.

Люстдорф

Кроссовки, джинсы, на плечо — рюкзак
(Спортивный стиль сегодня снова в моде),
И куртку потеплее — по погоде,
И к морю — в Черноморку, просто так —
Благодаря и радуясь свободе.

Травмаем до Люстдорфа — битый час
Трагисты, но времени теперь навалом.
Для счастья нужно, в сущности, так мало —
Глоток свободы в день хотя бы раз,
И путь неблизкий от ж/д вокзала,

И берег опустевший, где песок
Весь в чаячьих следах — не человеческих,
И резкий звук гортанной птичьей речи,
И ветер чтобы охлаждал висок
И волны гнал рядами мне навстречу.

Фото Вячеслава Тенякова.

Но поздно. Вечереет. Ветер стих.
Пора домой. Везу тебе в подарок
Рассказ об этом дне, что был так ярок,
Богов куриных дюжину — и стих,
Написанный почти что без помарок.

Дрожащей пены клочья на песке
слизнет волны язык.
Закат завис у дня на волоске,
и резкий чайки крик
не нарушает берега покой.
От солнца заслонив глаза рукой,
слежу, как в облаках
истаивает птицы силуэт
и крыл ее размах,
напоминающий бровей разлет.
И тает день, как этой чайки след...
Чей лик склонился над простором вод?
Кто росчерком крыла,
как росчерком пера,
знамений руны чертит в небесах?
Какую письмена несут нам весть?
Не знаю я. Мне не дано прочесть,
как не дано мне время удержать.
Но есть перо, чернила и тетрадь.
И росчерком пера,
как росчерком крыла,
летающе строкой
я сохранил в стихах
и птицу в облаках,
и берега покой.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.			Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68 www.odessitclub.org .
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.	Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067-480-37-05).	Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".	